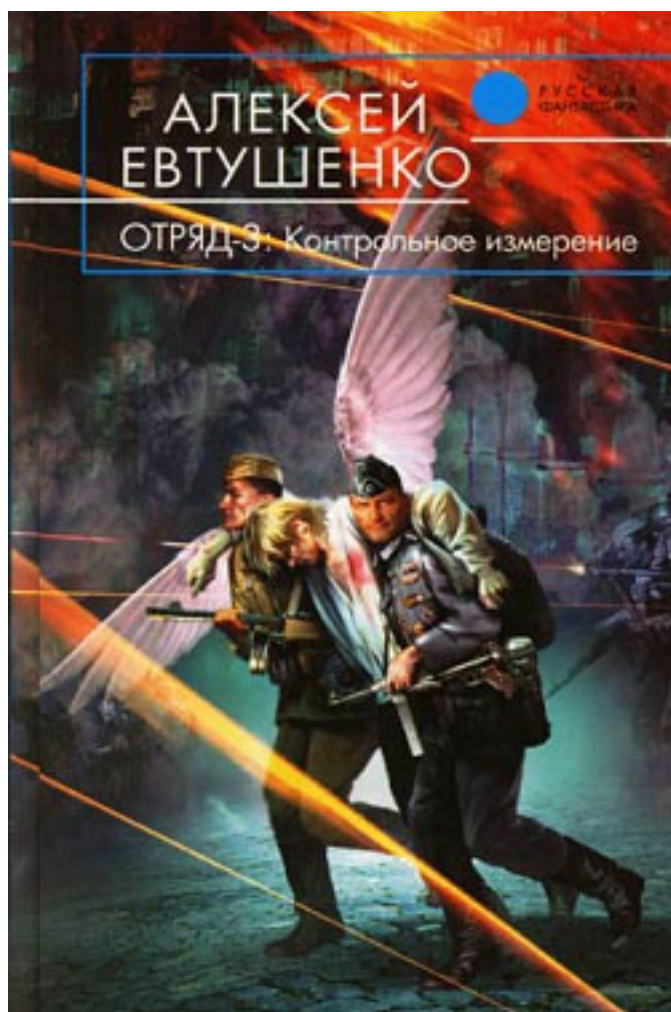

АЛЕКСЕЙ
ЕВТУШЕНКО

РУССКАЯ
ФАНАЗИЯ

ОТРЯД-3: Контрольное измерение

Алексей Анатольевич Евтушенко
Отряд-3. Контрольное измерение
Серия «Отряд», книга 3

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130412
Отряд-3. Контрольное измерение: Эксмо; 2006
ISBN 5-699-16389-1

Аннотация

Кровавым летом 1943 года эти солдаты были похищены из самого пекла войны сварогами – могущественными владыками космической империи. Но ни русские, ни немцы не захотели сражаться друг с другом на потеху инопланетянам и плечом к плечу встали против них... Так начался боевой путь Отряда. Много миров пришлось повидать бойцам Отряда, много славных дел совершить, и, в конце концов, оказалось, что лишь они могут спасти Вселенную, уничтожив зловещую Воронку Реальностей. И они уничтожили. Ценой собственной жизни. Но высшие силы подарили им новую жизнь. И притом в местности, подозрительно напоминающей библейский Рай. В общем, Отряд наконец-то обрел покой, но ненадолго...

Содержание

Часть первая.	4
Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	26
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Евтушенко

Контрольное измерение

Что ж медлит ужас боевой?

Что ж битва первая еще не закипела?

А.С. Пушкин «Война»

Часть первая. Возвращение

Глава первая

– Распорядитель!

– Тут я...

– Вы давно были на Периферии?

– Простите, Координатор, но я оттуда, практически, не вылажу. После уничтожения Воронки Реальностей и восстановления отраженных миров, самые большие проблемы возникли именно на Периферии. Впрочем, там всегда самые большие проблемы. А что?

– Нет, ничего... Кстати, о Воронке. Что у нас с людьми, которые ее уничтожили?

– Я удивлен, Координатор. Когда это вы интересовались гуманоидами, а, тем более, людьми? Вы же их, насколько я знаю, не очень любите.

– Запомните, Распорядитель. Запомните раз и навсегда. Координатор моего ранга не может кого-то любить или не любить. Или, как вы говорите, не очень любить. Я отношусь одинаково ровно ко всем разумным. Так что ваши скоропалительные выводы прошу впредь держать при себе. Договорились?

– Хорошо. Докладываю. С людьми все, как мы и решили. Вернее, э-э... почти все.

– ?

– Ну, помните, когда вы меня к ним посылали, то сказали, что мы не сможем оживить мертвых, тех, кто погибнет?

– Разумеется. Мертвые должны получить иное существование. Вернуть им жизнь – не наша прерогатива.

– Да, я знаю. Но я подумал, что мы поступаем несправедливо. Ведь они сражались за жизнь во всей Вселенной. Храбро сражались. И, если бы не они... В общем, я взял на себя смелость... Они живы, Координатор. Все девять человек.

– Вы с ума сошли!?

– Ничуть. По-моему я поступил в высшей степени разумно. Разумно и справедливо. Ну, сами посудите. Разлучать навеки этих спаянных боевым братством и общей судьбой людей... Не кажется ли вам, что именно это было бы прямым нарушением Равновесия и законов Кармы?

– Не вам рассуждать о законах Кармы! Вы должны были просто выполнить приказ!!

– Я приношу свои извинения, Координатор, но осмелюсь напомнить, что, когда Воронка вышла из-под контроля, вы не приказывали. Вы только советовались и просили.

– С вашей стороны напоминать мне об этом не совсем корректно. Вы не находите?

– Нахожу. И, тем не менее, напоминаю. Мне дороги эти люди. Не забывайте, что они спасли мир. В прямом смысле этого слова. Да и кто узнает, Координатор? Ну, кто? Высшие?

Когда вы последний раз с ними общались? Молчите. Вот и я об этом. Мне вообще иногда кажется, что о нас давно и прочно забыли и...

* * *

Свет. Теплый и яркий. Прямо в глаза. И запах. Море и лес. Откуда бы здесь взяться морю и лесу? Впрочем, море, кажется, было. Только ненастоящее. Плоское, фиолетовое и, практически, без запаха... Глаза, что ли открыть? Нет, полежу еще немного так. Я ведь лежу? Да, кажется, лежу. Нет, не кажется, а точно – лежу. Такое ощущение, что на чистых простынях и голый. А где-то рядом – окно. Распахнутое. И в это распахнутое окно светит солнце и залетает ветерок. И несет запах моря и леса. Хм. Весьма неплохо. И тихо как... Ни птиц не слышать, ни голосов человеческих, ни машин и трамваев. А также ни взрывов, ни выстрелов. Где же это я, интересно.... Последнее, что помню – это обрушившийся потолок в Замке, боль и... и все. Больше ничего не вспоминается. Так что, мы победили, и я в госпитале? Кажется, Распорядитель что-то такое обещал. Вроде, как всем будет хорошо. Или что-то такое похожее. Живым – жизнь, а мертвым тоже что-то наподобие жизни. Только какой-то другой. Нет, не силен я в теологии. Хотя теология здесь, пожалуй, не при чем. Ладно, товарищ лейтенант, ты глаза собираешься открывать или так и будешь валяться в полусчастливом неведении? Почему полусчастливом? Потому что для полного счастья не хватает разведанных. Значит, их нужно получить. А для этого нам необходимо что? Правильно. Открыть глаза. Для начала. Ну, с богом....

Александр Велга открыл глаза и увидел над собой потолок. Потолок был белый с голубоватым отливом. Чистый и ровный. Еще в нем имелись круглые, стеклянисто поблёскивающие углубления, которые лейтенант определил как светильники.

Потом он повернул голову направо, откуда на глаза падал солнечный свет, и, действительно, обнаружил раскрытое окно. Большое, чуть ли не во всю стену. Рамы в этом окне не распахивались внутрь или наружу и не поднимались вверх, как в американских домах (Велга читал об этом в книжке писателей Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка»), а убирались вбок, непосредственно в стену. За окном синело безоблачное небо, а с неба светило прямо в комнату яркое солнце. Очень похожее на земное.

Так, подумал Велга, хорошо. Теперь попробуем сесть.

Сесть получилось. Равно, как и встать с кровати. Кровать была широкой – впору свободно разместиться троим – и стояла у окна в слишком большой для спальни, как показалось Велге, комнате. Он подошел вплотную к окну и, опершись на подоконник, выглянул наружу. И увидел, что комната его находится на третьем этаже какого-то здания, которое в свою очередь стоит прямо посреди леса на довольно высоком холме. Лесистый же склон холма довольно круто обрывается к морю. Отсюда, с третьего этажа, Велга хорошо видел желтоватый песчаный берег и белую полосу прибоя. Прислушавшись, можно было даже различить его равномерный слабый шум. Само море тянулось до самого горизонта насколько хватало взгляда и было спокойным и, как и положено любому добропорядочному морю, синим. Кроме леса, моря и неба за окном разглядывать было совершенно нечего, и Велга принялся исследовать комнату. В комнате имелось три двери, высокое, в рост человека, зеркало, стол на изящных гнутых ножках и несколько стульев. Не было в комнате только его одежды. Во всяком случае, на глаза она не попадалась.

Ладно, хоть трусы на мне.... И, как ни странно, часы. Десять часов показывают. Судя по солнцу, теперь утро. Впрочем, это не важно. А важно, где я, и где остальные бойцы-товарищи-камрады. Так, руки-ноги-голова на месте, ничего не болит и даже, кажется, хочется есть. Точно, хочется. Значит, я совершенно здоров и осталось только получить ответы на

возникшие вопросы. Госпиталь это или что другое, а кто-нибудь здесь быть должен. Пойдем искать.

Первая дверь, как оказалось, вела в ванную и туалет. Велга мельком оценил сверкающие чистотой удобства и подошел ко второй двери. За ней обнаружилось нечто вроде обширного шкафа-гардероба, в котором тут же зажегся свет, и Велга увидел свою одежду. Форму, комбинезон сварогов и оружие. Все оказалось целым и новым, словно и не побывало в походах и боях, а попало сюда прямо с какого-то неведомого склада.

Александр весело присвистнул, быстро натянул на голое тело комбинезон (одевать еще и форму он посчитал излишним – жарко да и просто незачем), прихватил на всякий случай автомат, открыл третью дверь и попал в обширную прихожую. Здесь перед ним снова оказалось три двери, и Велга, чуть помедлив, выбрал ту, что слева. Решительно ее распахнул... и чуть ли не нос к носу столкнулся с обер-лейтенантом Хельмутом Дитцем.

– Вот так встреча! – ухмыльнулся долговязый саксонец, невольно отступая на шаг и вешая на плечо автомат, который до этого держал обеими руками стволом вверх. – А я как раз на разведку выполз.

– И я за тем же, – сказал Велга, чувствуя, что по лицу неудержимо расходится широкая улыбка. – Ну, здорово, господин обер-лейтенант. Живой?

– Живее прежнего! – подтвердил Дитц.

Они обнялись.

– А где остальные? – спросил Велга.

– Не знаю. Твоя дверь попалась мне первой.

Велга, чуть наклонив голову, с удовольствием оглядел друга Хельмута с ног до головы. Обер-лейтенант был чисто выбрит и одет в такой же точно комбинезон, что сам Велга. При этом Дитц выглядел совершенно здоровым и вполне жизнерадостным.

– Ну, и как ты думаешь, где мы? – снова спросил лейтенант.

– Точно этот же вопрос мог бы задать тебе я, – узнаваемо (и Велга порадовался этому узнаванию, как радуется всему хорошо знакомому только что окончательно выздоровевший человек) пожал плечами Дитц. – Сам пока ни хрена не понимаю. Очнулся в комнате на такой кровати, какие мне не попадались и в самых шикарных борделях Гамбурга. Правда, один. Встал, огляделся – никого. Нашел одежду и автомат, вышел в коридор, встретил тебя. Все.

– У меня примерно то же самое, – сказал Велга, оглядываясь по сторонам. – Станный какой-то коридор, тебе не кажется?

– Чем же он странный? Тем, что широкий и плавно изгибается?

– Ну да... наверное.

– Эх, ты, пехота. В казармах-то оно все правильной, да? Коридоры прямые, койки узкие, умывальник общий, – Дитц засмеялся.

– Можно подумать, ты у нас всю жизнь в собственном особняке прожил. Со слугами и этим... как его... мажордомом. Кофе и горячий шоколад в постель и собственный шофер. С садовником, – ухмыльнулся Велга.

– Увы, – вздохнул Дитц. – Но иногда хочется, а?

– Нет, – сказал Велга. – Не хочется. Я считаю, что человек должен иметь такое жильё, за которым мог бы ухаживать сам. Не привлекая наемный труд.

– Так-так, – прищурился Хельмут. – Ты хочешь сказать, что у вас в Советской России не используется труд домработниц?

– Не используется, – твердо ответил Велга.

– Никем и никогда? В жизни не поверю. Или ты этого просто не знаешь, или, мягко говоря, сознательно вводишь своего боевого товарища в заблуждение. Что не делает тебе чести.

– Ну... – задумался Александр. – Есть, конечно, исключения. Члены правительства, например. Или Центрального Комитета Партии. У них, наверное, есть домработницы. Или, там, академики какие-нибудь, писатели известные.... Но таких мало и еще не забывай, что это все очень занятые люди. Им просто некогда и...

– Ага, – перебил его Дитц. – А другим, значит, есть когда. И потом. Насколько я знаю, у вас каждый труд одинаково почетен и все равны, так?

– Разумеется.

– Так почему же некоторые могут себе позволить иметь домработниц, а другим это запрещено? Неравенство получается.

Велга открыл было рот, чтобы достойно ответить, но тут из-за поворота коридора в одних трусах, придерживая автомат, выскочил взъерошенный Валерка Стихарь.

– Оп-па! – заорал он радостно. – Кого я вижу! Товарищ лейтенант! Господин обер-лейтенант! Живы!! Ур-ра!!

Без чинов обнялись.

– Валера, может, ты знаешь, чем все кончилось? – спросил Велга. – После того, как потолок рухнул? А то мы с обер-лейтенантом – пас.

– Ну, в общем, да, знаю... – помедлив, сказал ростовчанин.

– И?

– Все просто. Я очнулся и отыскал под завалом Руди Майера. Он был ещё жив, хоть и со сломанным позвоночником. У него в рюкзаке была Нуль-бомба. И ключ-активатор. Надо было доводить дело до конца. Руди сказал, чтобы я не тянул... Короче, к тому времени у меня действовала только одна рука, но я справился. Активировал Нуль-бомбу. У меня оставалось ещё пятнадцать минут, а у Руди во фляге оставался спирт. И была пара сигарет... Что ещё надо для счастья? Мне кажется, что это были одни из лучших минут в моей жизни.

Помолчали.

– Да, – сказал Дитц. – Мы, всё-таки, справились. А ведь могло бы и не получиться, а?

– Нет, – помотал головой Валерка, – не могло, я думаю. Мы очень хотели, чтобы получилось, и получилось. Не могло быть иначе. Я бы себе в жизни не простил.

Дитц коротко рассмеялся и молча потрепал Валерку по голове.

– А как это выглядело? – спросил Велга.

– Что?

– Ну... взрыв Нуль-бомбы? Конец света, всё-таки. Не каждый день случается! А ты единственный, кто его видел.

– Да не видел я ничего. Сидел, смотрел, допил спирт, сигарету последнюю докурил почти. Помню, спокойно себя чувствовал. Как будто... Ну, словно, меня это вовсе и не касается. А потом... Это именно конец света. Его просто кто-то выключил. Как свет в комнате выключателем. Щёлк! И все. Ни света, ни мыслей, ни боли. Ничего. Полный отбой. А потом я сразу просыпаюсь на шикарной кровати, а за окном – море.

На то, чтобы найти остальных, много времени не ушло. Все были живы и здоровы, – кто-то еще спал, а кто-то уже проснулся. И каждый в отдельных апартаментах.

Третий этаж этого незнакомого здания, в котором они непонятно как очутились, представлял из себя весьма запутанную систему широких коридоров и лестниц. Посему было решено отложить тщательные исследования, а для начала спуститься вниз, выйти на воздух и, по возможности, оглядеться.

– Хорошо бы еще чего-нибудь пожрать, – заметил Руди Майер, который время от времени заводил руку за спину и ощупывал позвоночник. При этом на его лицо неизменно приобретало радостно-озадаченное выражение.

– Чего ты там все ищешь? – не выдержал Валерка, когда отряд потопал вниз по лестнице.

– Я не ищу. Я это... удостоверяюсь. И все никак не могу поверить. У меня же позвоночник был сломан, помнишь?

– Ну.

– Что «ну»? А теперь целехонек!

– Подумаешь, позвоночник, – обернулся шедший впереди Курт Шнайдер. – У некоторых просто всю кровь выпили – и ничего, не жалуются. Из тебя когда-нибудь кровь пили, Руди?

– А как же, – ухмыльнулся пулеметчик. – Был у нас в учебке такой унтер-офицер Гюнтер Фогель. Ох, и попил он моей кровушки, доложу я вам. Да и не только моей. Куда там Дракуле.... Мне после этого Восточный фронт поначалу чуть ли не курортом показался. Впрочем, это быстро прошло.

– И правильно делал, что пил, – наставительно заметил Дитц. – Может, ты поэтому только и жив до сих пор.

Майер промолчал и лишь выразительно подмигнул рыжему Шнайдеру.

– А я, вот, не очень удивляюсь, – сказал Карл Хейниц. – Я думаю, что мы выполнили свою задачу. И, как только Распорядитель получил возможность действовать, он тут же нас всех спас. Кого вылечил, а кого и оживил. Если уж для наших потомков это была не проблема, то для него, я думаю, и вовсе пустяки.

– Вообще-то такого уговора не было, – заметил Стихарь. – Было сказано, что жизнь получают лишь те, кто останется жив. Погибшим обещали какое-то другое существование. Хотя я и не понял, что он конкретно имел в виду.

– Эй, разведчики! – окликнул солдат замыкающий шествие Велга. – Вы бы не расслаблялись, а лучше смотрели и слушали. Место незнакомое.

– Опасности нет, Саша, – сказала Аня Громова. – Никакой. Я бы почувствовала. Да ты и сам это знаешь.

– А как же порядок и дисциплина? – откликнулся вместо Велги Дитц. – Командир должен бдеть! И держать личный состав в состоянии постоянной боевой готовности.... О, вот и выход!

Лестница кончилась, и отряд оказался в обширном круглом холле. Из узких окон с разноцветными стеклами лился мягкий рассеянный свет, а широкие двери прямо напротив были услужливо открыты нараспашку, словно приглашая выйти на улицу и погулять на солнышке.

– Тихо как, – сказал в полголоса Малышев. – Птицы только поют. И то довольно далеко.

– Н-да, хозяев не видно и не слышно, – констатировал Дитц. – Ладно, пошли на воздух.

Снаружи было солнце, лес и запах недалекого моря. От широкой площадки перед зданием прямо в лес уходила дорога, и было видно, что она спускается вниз, к морю.

– Чудные какие-то деревья, – заметил Сергей Вешняк, прикрывая ладонью глаза от солнца. – Никогда таких не видел.

Малышев тем временем пересек площадку, сорвал с ветки ближайшего дерева лист, внимательно рассмотрел его со всех сторон, растер между пальцами и даже понюхал.

– Ну что? – спросил Велга.

– Не знаю, – пожал плечами таежник. – Я тоже первый раз такие деревья встречаю.

– Эка невидаль, – Валерка Стихарь забросил автомат на плечо и с хрустом потянулся. – Что нам, чужие деревья не попадались в этой жизни? Вспомните ту же Пейану.... Давайте обойдем здание кругом и, если никого не встретим, то спустимся к морю. Искупаемся, позагорает.

– А жрать ты что будешь? – осведомился Майер. – Листочки с деревьев?

– Все бы тебе жрать.... Пошарим в доме – найдем. Не могли же нас воскресить только для того, чтобы затем умерить голодной смертью! Не верю я в это. Мне вообще кажется,

товарищи-господа-камрады, что это что-то вроде санатория. Карл прав, – нас оживили и вылечили. И теперь отдых нам дан за труды наши праведные и подвиги геройские. И правильно. Заслужили!

– Трепло ты геройское, – усмехнулся Шнайдер. – Но мне такая мысль нравится.

– Мне самому нравится, – вздохнул Валерка. – Хорошо бы еще, чтобы она оказалась верной.

– Поживем – увидим, – сказал Велга. – А пока – русские налево, немцы – направо. Обходим здание с двух сторон и встречаемся посередине. Ворон не считать, языком не трепать.

– Вперед, – добавил Дитц и, чуть пригнувшись, шагнул ближе к стене.

И тут Малышев, стоявший возле кромки леса, предостерегающе поднял руку. Все умолкли.

«Один человек, – показал Михаил на пальцах. – Идет сюда».

«Рассредоточиться и залечь!» – жестом приказал Дитц.

Через пять секунд люди исчезли, и широкая площадка перед зданием опустела.

Глава вторая

Валерка Стихарь залег в густых, покрытых мелкими и шершавыми на ощупь листьями, кустах, откуда ему хорошо был виден изгиб лесной дороги. Столбы солнечного света пронзали кроны деревьев, и было вокруг так хорошо и красиво, что ростовчанин никак не мог по настоящему сконцентрироваться. Да и не хотел. Мало ли, кто идет.... Уж наверняка не враг. Сколько можно, в самом деле, жить в боевом напряжении! Надо же и отдыхать иногда. Тем более, что они без дураков заслужили этот отдых. Кто спас это несчастное мироздание? То-то. Так что отдай положенное и не грехи. Да и не просят они много – так, пару недель солнца, моря, хорошей жратвы и полноценного сна на чистых простынях. Ну, может, месяц. Не больше. И девчонок бы, конечно.... Малышеву-то хорошо, медведю таежному – оторвал, понимаешь себе....

Из-за поворота дороги показался человек.

Был он высок ростом, одет в чудные – до колен – штаны и майку. На шее у человека висело полотенце, в правой руке он нес небольшую сумку. Его длинные – чуть ли не до плеч – и еще мокрые после купания черные волосы блестели, когда на них попадал солнечный луч. Шел человек легко и свободно, не подозревая, что за ним внимательно следят из засады девять пар настороженных глаз.

Валерка дождался, когда человек прошел мимо него и тихонько свистнул ему в спину. Человек остановился и повернул голову. Валерка уже стоял так, чтобы его можно было хорошо рассмотреть с дороги, и автомат был направлен прямёхонько в грудь незнакомцу.

– Здравствуйте, – сказал человек и улыбнулся. – Вы, я вижу, уже проснулись и, как всегда, начеку.

Тут на дорогу бесшумно вышли остальные и окружили незнакомца плотным кольцом.

Человек стоял спокойно, и было совершенно не похоже, что он напуган или хотя бы обеспокоен неожиданной встречей.

– Кто вы такой? – отрывисто задал вопрос Дитц.

– Зовут меня... – человек на секунду задумался, – ну, хотя бы... Арнольд. Я управляющий. Мажордом, если вам будет угодно. И я к вашим услугам.

Дитц засмеялся.

Арнольд вопросительно поднял брови и неуверенно улыбнулся в ответ.

– Не обращайтесь внимания, – махнул рукой Дитц и подмигнул Велге. – Так вспомнил кое-что... Значит, говорите, Арнольд?

– Да.

– И вы управляющий. Мажордом.

– Именно.

– И чем же вы управляете?

– Да вот этим Домом Отдохновения, что на холме, и управляю.

– Понятно. Дом Отдохновения, значит.... Что ж, звучит заманчиво. А как мы здесь оказались?

– М-м... ответить на этот вопрос мне будет, пожалуй, несколько затруднительно. Просто мне было сказано подготовиться к приему девятерых человек. На неограниченное время. Еще сообщили, что это солдаты, которые долго воевали и теперь нуждаются в отдыхе и всемерной заботе. Так что, повторяю, я к вашим услугам.

– А кто вам о нас сказал? – спросил Велга.

– Мой хозяин.

– У вас есть хозяин?

– Да. У любого ИС есть хозяин. Я – ИС.

– Что значит ИС?

– ИС значит – Искусственное Существо. Я не человек. Я выращен искусственным путем.

– Клон? – спросила Аня.

– Нет. Клон – это клон. Как бы дубликат нормального человека. А я – Искусственное Существо.

– Робот, киборг, андроид?

– Да нет же. Я живой. Состою из таких же клеток, что и вы. Вернее, почти из таких же. Просто я создан искусственно. Полностью. Это трудно объяснить... Понимаете, клетки, из которых я, так сказать, развился, не были взяты от человека, а тоже созданы искусственно. Ну, вроде как, сконструированы. В общем, это не живые природные клетки, а...

– Ладно, это пока это неважно, – перебил его Дитц. – Как зовут вашего хозяина и кто он?

– Кто он, я не знаю. А называет он себя Распорядитель.

– Старый знакомый, – усмехнулся Велга. – Что ж, теперь многое становится ясным.

– Да уж... – согласился Дитц. – Хорошо, Арнольд. Теперь расскажите, как вы собираетесь о нас заботиться. Завтрак, обед и ужин в заботу входят?

– Всенепременно! – обрадовался Арнольд. – И завтрак, и обед, и ужин, и праздничный ужин и даже, если пожелаете, настоящий пир. Хоть каждый день. И, смею вас уверить, все совершенно бесплатно. Впрочем, что же мы это тут стоим? Идемте в дом, и я вам все расскажу и покажу.

Искусственное Существо Арнольд оказался замечательным мажордомом. Сначала он повел всех завтракать. На первом этаже, который они не успели осмотреть (впрочем, как и все остальные этажи, за исключением, частично, третьего), обнаружилась большая обеденная зала, способная вместить чуть ли не батальон, а не то, что девять человек.

Они сдвинули столы и уселись на удобные легкие плетеные стулья. Арнольд остался стоять рядом.

– Это что же, – с интересом оглядываясь, осведомился Дитц. – Вы сами будете нас... э-э... обслуживать?

– Зачем же? – обаятельно улыбнулся Арнольд. – Для этого есть специальный персонал. Я научу вас им пользоваться, и в дальнейшем вы сможете завтракать, обедать и ужинать, а также, как я уже говорил, устраивать пиры и прочие вечеринки без моей помощи. Смотрите, как это делается.

Он резко хлопнул в ладоши и позвал:

– Официант!

Одна из дверей в конце залы распахнулась, и появился официант. Черные брюки, черные же сверкающие туфли, белая рубашка с широким отложным воротником и бесстрастное гладкое, совершенно не запоминающееся лицо.

Он ловко разложил на столах девять одинаковых меню и бесшумно отступил назад.

– Выбирайте, – предложил Арнольд. – Кстати, в меню смотреть вовсе не обязательно, здесь можно заказывать все, что хочется и что взбредет на ум. Да, чуть не забыл. Если пожелаете, я могу завтракать за отдельным столом.

– Зачем же за отдельным? – удивилась Аня. – Завтракайте с нами, конечно.

После обильного и разнообразного завтрака (Валерка Стихарь немедленно потребовал красной икры, полусладкого шампанского Абрау-Дюрсо и яйца всмятку, другие, включая Арнольда, тоже не отстали – каждый в меру своего воображения), мужчины закурили и за кофе приступили к мажордому Арнольду с расспросами.

И Арнольд поведал следующее.

Оказывается, Дом Отдохновения был создан Распорядителем еще в незапамятные времена. Тогда Распорядитель довольно часто пользовался своим физическим телом. Для отдыха и спокойных размышлений он выбрал эту замечательную, не обременённую разумной жизнью планету, на окраине одной из галактик. И создал на ней этот самый Дом. Именно создал, а не построил. Потому что это не просто дом, а Дом в высшем, практически идеальном смысле этого понятия. Чудесное – кому-то оно даже может показаться волшебным! – устройство. Или сооружение. Такое, в общем, сооружение-устройство. Он, Арнольд, и сам в большинстве случаев не знает, какие и чьи невероятные технологии были задействованы при его создании и для его функционирования.... Почему волшебным? Ну, посудите сами. Что можно сказать о доме, который не только укрывает от непогоды и защищает своих хозяев от всевозможных реальных и гипотетических опасностей (это входит в функции любого дома), но и выполняет, практически, любое их желание. Разумеется, в определенных пределах. Именно так. Например? Пожалуйста. Пусть кто-нибудь из вас выскажет громко и вслух свое желание. Только учтите, что оно должно быть четко сформулировано. Иначе Дом не поймет и, следовательно, ничего не предпримет для его выполнения. Ну, кто первый?

Люди неуверенно переглянулись.

– Может быть, ты, Валера? – предложила Аня.

– А чего это я? Чуть что, сразу Стихарь!

– И вовсе не чуть что. Просто ты у нас самый, я бы сказала, любознательный.

– Ага, – сказал Майер. – И шустрый.

– И смелый, – улыбаясь, добавил Велга.

– А какой он ответственный! – обращаясь к Шнайдеру, сказал Малышев.

– И не говори. Я даже больше скажу – образец дисциплины!

– Пример всем нам! – воскликнул Вешняк.

– Вы забыли про его ум, – с самым серьезным видом покивал головой Хейниц. – Выдающаяся голова, уж вы мне поверьте.

– Да, – заключил Дитц. – Ум и сообразительность. Просто идеал разведчика....

– Ладно, – добродушно усмехнулся Валерка. – Хватит. Разрешаю дальше не продолжать. Знаете, паразиты, что я после такого завтрака добрый и расслабленный. Вот и пользуетесь. Ничего, мне не жалко. Эх, чего не сделаешь для боевых товарищей.... Значит, Арнольд, говоришь, любое желание?

– Любое, – подтвердил Арнольд. – Но в определенных пределах.

– А как их определить, пределы эти?

– Я думаю, эмпирическим путем.

– Эмпи... что?

– Опытным, значит, – подсказала Аня.

– Это совершенно не опасно, – сказал Арнольд. – Дом просто не подчинится, если вы, например, захотите кого-нибудь убить.

– Убить – это как раз самое простое. Тут ничья помощь нам не требуется. Ну ладно. Сами попросили....

Валерка ненадолго задумался.

– Хорошо, – его глаза блеснули. – Начнем с чего-нибудь попроще. Для начала. Дом, слушай мою команду! Хочу.... Хочу взлететь! Под самый потолок.

Люди дружно ахнули.

Неведомая сила подхватила рядового Стихаря и медленно подняла его в воздух. Высоко. Под самый потолок.

– Метров пять, однако, – заметил Вешняк, задирая голову. – Не меньше.

– Эй, Валера, ты как? – осведомился Майер.

– Отлично, Руди! – засмеялся из-под потолка Валерка, болтая ногами. – Мне понравилось! Эй, дом, а теперь сделай так, чтобы я оказался на морском берегу!

Ничего не произошло.

– Только в пределах стен, – прокомментировал Арнольд.

– Тогда хочу вернуться на землю, – пожелал Валерка. – Точнее, на пол.

Желание его немедленно исполнилось.

– Ну, кто следующий? – спросил Арнольд.

– Давайте я, – сказал Велга.

– Прошу.

– Хочу, чтобы стены, потолок и крыша и все предметы в доме, кроме тех, что находятся в этом зале, стали абсолютно прозрачными!

И тут же стены и потолок исчезли. Над головами людей раскинулось бесконечное в своей синеве небо с редкими белоснежными облаками, а вокруг... Вокруг с трех сторон до самого горизонта простирались, поросшие лесом холмы, а с четвертой, в просветах между деревьями, сверкало под солнцем море.

– Ух ты... – замороженно, присвистнул Шнайдер. – Такого даже у сварогов не было... Хотя нет, вру. Помните, в самом начале, когда мы в соседних комнатах очнулись? Стены вдруг стали прозрачными, и мы увидели Карсса и друг друга?

– Да, – сказал Дитц, оглядываясь, – впечатляет. А теперь, Дом, сделай, как было.

И стало, как было.

Некоторое время отряд молчал, переваривая увиденное.

– Скажите, – спросила Аня. – А если несколько человек одновременно выскажут различные желания?

– Дом выполнит их все, – утвердительно кивнул Арнольд.

– По очереди?

– Зачем по очереди? Сразу.

– А, это нечто вроде хорошего компьютера, который может одновременно выполнять несколько операций, да?

– Можно сказать и так. Вообще, насколько я знаю, все чудеса Дома основаны на технологиях, которые оперируют величинами, сравнимыми с размерами молекул и атомов. То есть, любые материальные предметы, любое вещество, начиная от обычной, допустим, серебряной ложки и, заканчивая тончайшими, изысканнейшими и сложнейшими по составу французскими, испанскими и прочими винами, которые вы можете в любую минуту отве-
дать, созданы или могут быть созданы Домом буквально из воздуха.

– Как это из воздуха? – не понял Вешняк. – Воздух он же и есть воздух. Как из него можно что-то сделать или создать? Сделать можно из дерева, металла, этой... как ее... пласт-
массы...

– Из мяса, – подсказал Валерка.

– И винограда, – добавил Майер.

– Ну да. Еще из пшеницы или ржи. Из камня. А как можно сделать что-то из воздуха? Я, конечно, десять классов не заканчивал, но в школе тоже учился. И помню, что все состоит из молекул и атомов. Воздух – это кислород. И еще какие-то газы, которые не вредны человеку.

– Азот, – подсказал Велга. – Причем азота гораздо больше чем кислорода.

– Да, наверное. Ну, и как, я вас спрашиваю, может кислород или тот же азот пре-
вратиться в серебро, из которой сделана серебряная ложка, о которой говорил Арнольд? Серебро – это серебро. Металл. А кислород – это кислород. Газ. Вы как хотите, но, по-моему, нам тут кое-кто пытается пудрить мозги.

– Что скажешь, Арнольд? – обратился к мажордому Хельмут. – Мы люди военные, грубые и недоверчивые. К тому же разведчики. Давай, оправдывайся.

– Мне оправдываться не нужно, – сказал Арнольд с неизвестно откуда взявшимся достоинством. – Пусть виноватый оправдывается. А я ни в чем не виноват. Что же касается кислорода и серебра, то, если желаете, могу прочесть лекцию по химии и физике. Чтобы стало понятнее.

– Не надо, – быстро сказал Валерка. – Терпеть не могу лекций. Особенно по физике.

– Не говоря уже о химии, – ухмыльнулся Майер.

– А я бы послушал, – задумчиво сказал Хейниц. – Интересно.

– Вот ступай в свои апартаменты и слушай на здоровье, – предложил Майер ефрейтору. – Арнольд, дом может прочесть лекцию нашему Карлу?

– Конечно. Любую лекцию на любую интересующую тему. И даже любым голосом.

– Все равно, это какой – то фокус, – упрямо насупился Вешняк. – Эдак, можно пожелать, например, голую бабу (извини, Аня). И что, она из воздуха возникнет? Живая и настоящая?

– Очень свежая мысль! – восхитился Валерка. – И как это я сам не додумался!

– А ты попробуй, – предложил Шнайдер.

– Так, мальчики, – засмеялась Аня. – Разрешаю, но предупреждаю, что я в этом не участвую. Играйте в свои игры сами.

– И я, – добавил Малышев и обнял ее за плечи.

– Еще бы ты участвовал, – усмехнулась Аня.

– А вам никто и не предлагает, – озорно блеснул глазами Стихарь. – Тили-тили-тесто – жених и невеста.... Так что там у нас с голыми бабами, Арнольд?

– Э-э... – мажордом явно был смущен. – Мне бы не хотелось при даме....

– Бросьте, Арнольд, – подбодрила его Аня. – Я сказала, что в этом не участвую, но не сказала, что вовсе не хочу об этом знать. Давайте, рассказывайте. Тут все свои и вообще взрослые люди. Всем нам давно известно, что мальчикам время от времени нужны девочки.

– А девочкам – мальчики, – подмигнул Валерка.

– Случается, – с улыбкой кивнула Аня.

– Ну, если так.... В общем-то, никаких препятствий. Пожелаете женщину – будет вам женщина. Любая на выбор.

– погоди, погоди, – поднял руку Валерка. – На выбор... Из чего выбирать-то? Ты давай толком говори.

– Так я и говорю. Требуете у Дома образцы и выбираете. Он вам покажет сначала голографические снимки. Это такие объемные фотографии. Когда остановитесь на интересующей вас модели, Дом представит ее вам уже в живом виде.

– Что значит, модели? – спросила Аня. – Они что, не люди?

– Людского в них вполне достаточно. Иногда, даже слишком. Если конечно иметь в виду те цели, для которых они предназначены. В общем, я думаю, вы вряд ли отличили бы их от настоящих, не предупреди я об этом. Но, если говорить строго, то они, действительно, не люди. Впрочем, как и я. Это Искусственные Существа.

– Во, – сказал Вешняк, – я и говорю. Дурят нашего брата.

– Не, Серега, – возразил Валерка. – Ты натурально не понимаешь. Ну, подумай сам, рязанская твоя башка, какая тебе разница? Посмотри на Арнольда. Он же настоящий! И снаружи, и внутри. Те же клетки, что у нас. Правда, Арнольд?

– Совершенно верно. Я же вам уже говорил. Только искусственно созданные.

– Вот видишь, – упрямо нагнул голову сержант. – Искусственно! А что искусственное, то ненастоящее. Я так думаю.

– А я тебе еще раз говорю: балда ты! Мягкий? Мягкий. Теплый? Теплый. Две руки, две ноги, одна голова? Именно так. Разговаривает? Разговаривает. Даже пьет и ест. Юмор понимает. Что тебе еще надо, дурында?

– Сам ты дурында! – не сдавался Вешняк. – Я против Арнольда ничего не имею. Его таким сделали, и он не виноват. Я о другом. Андроидов помнишь?

– Ну....

– Баранки гну. Они что, люди?

– Мы не андроиды, – запротестовал Арнольд. – Андроиды – это человекоподобные роботы. Они созданы из искусственных материалов и запрограммированы определенным образом. А мы, Искусственные Существа, живые и...

– Душа у вас есть? – перебил его сержант.

– Что?

– То самое. Я спрашиваю, есть ли у вас, живых, как ты говоришь, искусственных существ, бессмертная душа? У нас, людей, есть.

– Я... – Арнольд явно растерялся. – Я не очень понимаю, что это такое.

– Потому и не понимаешь, что ее у тебя нет, – вздохнул Вешняк и закурил. – Эх вы, бедолаги....

Неловкое молчание зависло над столом.

– Я лично вообще не понимаю, при чем здесь душа, – пробормотал Валерка. – С ней, конечно, лучше, но мне для начала и без всякой души сойдет. Был бы человек хороший.

– Тебе резиновую бабу дай, и она сойдет, – сказал Вешняк.

– Ты, Рязань, говори да не заговаривайся...

– Отставить, – негромко приказал Велга.

– Вот к чему приводит излишнее философствование, – наставительно заметил Дитц. – Как только начали размышлять да рассуждать – все. Настроение упало, боевой дух на нуле. Эх вы, а еще разведка! Так, принимаю решение. Ну-ка, Арнольд, организуй-ка нам вина. Того самого. Испанского и французского. Да побольше! Раз уж мы на отдыхе, то приказываю личному составу отдыхать и веселиться.

– Да, – подтвердил приказ Велга. – Отдыхаем. И на полную катушку!

Глава третья

Жизнь солдата на войне трудна и скупа на радость по многим причинам. И внезапная смерть от вражеской пули, штыка, мины, осколка снаряда или бомбы – не главная из них. Как ни странно. Потому что к смерти, когда она случается на твоих глазах чуть ли не ежедневно, люди привыкают. И даже гибель близких товарищей уже не рвет сердце на части, а лишь вызывает в нем тупую и глухую боль. Боль, к которой привыкаешь тоже. Ну, болит и болит. Подумаешь. Старые раны, вон, тоже, бывает, ноют к дождю, так что ж теперь, бросить винтовку и отправиться домой? Нет. Долг и присяга не велят, родина твоя, командир и товарищи боевые, которые рядом и которым ничуть не легче, чем тебе.

Да, можно привыкнуть к смерти, можно. И даже к голоду можно притерпеться. До поры до времени, конечно. А вот к чему нельзя – так это к постоянному недосыпу и отсутствию женщин. К недосыпу, потому что он отупляет и высасывает те самые силы, которые необходимы для победы над врагом и – главное! – для победы над самим собой. Потому-то солдат и спит при каждом удобном случае. Да и неудобном тоже. Кто никогда не засыпал на ходу в маршевой колонне, тому этого не понять. А женщины... Ну, это и ясно и без объяснений. Если ты нормальный молодой и здоровый мужик, то находится долгое время без женщины для тебя не просто трудно и вредно, но даже как-то, прямо скажем, и противоестественно...

Так или примерно так думал лейтенант Красной Армии Александр Велга, перебирая роскошные каштановые волосы, лежащей у него на коленях девушки. Точнее, Искусственного Существа. Впрочем, лейтенант, как ни старался, не мог себе представить, что это какое-то там искусственное существо, а не самый что ни на есть настоящий живой человек. Только женского пола. Не мог, вероятно, потому, что слишком привык в своей, пока еще не очень длинной, но насыщенной войной жизни всецело полагаться в первую очередь на зрение, слух, обоняние и осязание. То есть, на те корневые человеческие чувства, которые его, практически, никогда не подводили. Вот и сейчас, на песчаном берегу теплого и ласкового моря, под лучами незнакомого, но ласкового солнца, он не мог (а может, и не хотел) не доверять этим своим чувствам.

Какого, действительно, черта!

Да, элемент чуда в ее появлении (а также в появлении еще семерых ее товарок) несомненно, был. И, прямо скажем, весьма значительный элемент. Но разве за последние недели и месяцы они не навидались чудес? Еще каких! Что там говорить, – начиная с того дня, как высокомерные свороги выкрали два взвода разведки – советский и немецкий – из лета сорок третьего года и переправили их на свою древнюю прародину Пейану, всеразличные чудеса просто стали привычной частью их, солдат Второй мировой войны, обыденной жизни.

Так что хрен с ними, чудесами. Надо наслаждаться сегодняшним днем и теми возможностями, которые он предоставляет. А возможности эти довольно велики. Просто какие-то необъятные возможности... Надо же, действительно, стоило только захотеть, и каждый боец получил себе желанную подругу. При этом Арнольд еще и прямо намекнул, что в случае чего никому не возбраняется выбрать другую. И даже не одну.... Фу ты, черт, просто разврат какой-то...

Александр почувствовал что краснеет.

Или это просто солнце? Надо срочно охладиться.

– Пойдем, искупаемся? – предложил он.

Карина (так она назвалась, когда Велга выбрал ее из голографического каталога и приказал Дому осуществить... э-э... доставку) открыла глаза (чудный ореховый цвет!) и улыбнулась:

– Пойдем!

И тут же, легко поднявшись с колен лейтенанта, танцующей походкой, направилась к прибору.

Полоска ткани на груди, полоска ткани на... Н-да, в наше время, помнится, купальники были совсем другие.

Велга специально чуть приотстал, чтобы лишний раз посмотреть на девушку сзади.

Дитц, как истинный ариец, думал он, не отрывая взгляда от гладких загорелых и страшно соблазнительных женских бедер, еще несколько часов назад уверял, что главное в женщине – это задница и грудь. Я помнится, возражал. А теперь, вот, пожалуй, готов согласиться....

– Товарищ лейтенант, давайте к нам! – позвали его.

На границе прибоя и сухого песка расположились Карл Хейниц и Сергей Вешняк со своими подругами (ефрейтор предпочел маленькую изящную брюнетку, а сержант, наоборот, крупнотелую веснушчатую шатенку), Михаил Малышев и Аня Громова. Остальных видно не было.

Кто в Дом направился, а кто-то, у кого терпелки не хватило, и просто в лес, усмехнулся про себя Александр, благо, никого, кроме нас, на всей планете нет. Если верить мажордому Арнольду, конечно. Смешное имя – Арнольд... Почему Арнольд? Отчего, например, не Арчибальд? Вот интересно, действительно ли мы одни на всей планете? Неплохо бы проверить на всякий случай... Или не надо? Это, наверное, привычка срабатывает – проверять место обитания. Условный рефлекс, так сказать... Или безусловный? Черт, все забыл... Нет, все-таки, кажется условный. А Хейниц с Вешняком, ишь ты, сидят на виду и держатся вместе. Стесняются, наверное. Надо же, у кого-то из нас еще стеснительность какая-то осталась.... Хотя, чего здесь, спрашивается, стесняться? Себя, что ли? Брось, брось. Ты, вон, тоже пока Карину к себе в Дом не пригласил и в лес не потянул. Хотя вы уже четыре с лишним часа как знакомы. На самом деле тоже стесняешься, хоть и сам себе в этом признаваться не хочешь. Что, в общем, очень странно. Вспомни, например, Город и день рождения у хозяйки борделя. Там и тень стеснения в душе не шевелилась. А здесь отчего-то все другое. И ведь, все, вроде бы, должно было быть наоборот. Там-то, в Городе, были натуральные женщины, хоть и проститутки, а здесь – Искусственные Существа. Да и проститутки-то не настоящие, а так... временно исполняющие роли. Нет, запутался я что-то. Это от вина, наверное. От вина и от солнца. На солнце, как известно, пить вредно... С одной стороны я, как уже было решено, не чувствую, что Карина – Искусственное Существо (хотя, возможно, еще и почувствую, когда дело до главного дойдет) и поэтому, наверное, немного стесняюсь. Опять же она не проститутка по определению... А кто? Как назвать женщину, созданную специально для всяческого ублажения мужчин, но при этом не берущую за свои услуги деньги? То есть, не женщину, а искусственное существо. Но я не чувствую, что она... тьфу-ты, опять двадцать пять за рыбу деньги! Нет, так дело не пойдет. А как? Ведь она могла достаться и другому. Тому же Валерке Стихарю, например. Или Хельмуту. Да любому из нас! Или не могла? Погоди, я как-то сразу об этом и не подумал, оказывается. А между тем, это интересный вопрос: каталог был один на всех или для каждого свой?..

– Саша, ау!

Звонкий голос Карины вторгся в его раздумья, и Велга неожиданно обнаружил себя неподвижно стоящим в полосе прибоя со взглядом, направленным к далекому и пустому горизонту.

– Иди сюда, ко мне!

Она заплыла уже метров на пятьдесят от берега, и теперь махала ему из воды рукой.

Велга улыбнулся, тряхнул головой и побежал навстречу невысокой прозрачной волне.

Это море было очень похоже на Черное. Разве что вкус воды несколько иной – не такой горький. В остальном же Александр не видел принципиальных различий. И это ему нравилось. Лезть в совершенно незнакомое море он бы, пожалуй, поостерегся. Впрочем, тот же Арнольд уверял, что здесь, возле Дома Отдохновения, нет крупных хищников, которые могли бы представлять опасность для людей. Это касается и моря, и окрестных лесов...

– Догоняй! – крикнула Карина и безупречным кролем направилась прочь от берега.

А я ведь, пожалуй, не догоню, подумал Александр, плавает она явно лучше меня. Но сдаться без боя? Никогда!

Метров через сто с лишним он потерял беглянку из вида, понял, что выдыхается и перешел на спокойный брасс. Рядом вынырнула Карина и улыбнулась во все свои тридцать два безупречных зуба.

– Что, Саша, слабо женщину победить в честном соревновании?

– Только не на море, – признал свое поражение Велга. – В лесу или в поле я бы тебе сто очков вперед дал. Но на воде... Уволь. Тут мне за тобой не угнаться. И вообще, откуда я знаю, может, ты русалочьего племени?

– Да! – захохотала она и плеснула ему в лицо. – Я – русалка! И сейчас зацелую тебя до смерти, красавчик. Разве ты не знал, что русалок нужно опасаться и держаться от них подальше? А ты, дурачок, за мной поплыл... Ну, теперь, пеняй на себя!

Она обхватила голову Велги ладонями, ее полураскрытые губы коснулись его губ, прижались крепче, маленький ласковый язычок скользнул ему в рот....

Они окунулись в воду с головой.

Велга задержал дыхание и открыл глаза.

Незнакомая толстобрюхая рыба, чуть шевеля плавниками, замерла неподалеку и озадаченно уставилась на двух невиданных существ, занимающихся под водой непонятно чем....

Изящная прозрачная медуза, насквозь пронизанная солнечным лучом, медленно проплыла мимо и поднялась к поверхности....

Рука Карины решительно скользнула лейтенанту в плавки...

Они выбрались на берег далеко в стороне от того места, где зашли в воду, добежали до леса, и там Велга, не переставая целовать шею и лицо Карины, повалил девушку в мягкую и густую, как будто специально выращенную для этого траву...

День оказался необычайно длинным. Потом от Арнольда они узнали, что сутки на Лоне (Лона – таково было название планеты) продолжались 26 земных часов, а Дом Отдохновения располагался в широтах, куда никогда не заглядывала зима. Отряд в неполном составе (не хватало Руди Майера и Валерки Стихаря) собрался вниз, в обеденном зале, когда солнце уже наполовину завалилось за лесистые холмы.

Велга пришел с Кариной, Хейниц с девушкой по имени Ева, Дитц и Вешняк сочли нужным оставить своих подруг наверху.

– Непорядок, – безапелляционно заявил Дитц, усаживаясь за стол и пристраивая на грудь салфетку (по излишне влажному бледно-голубому блеску его глаз, Александр сообщил, что друг Хелмут изрядно навеселе). – Мало того – форменный бардак. Если солдат опаздывает на ужин, значит случилось нечто из ряда вон выходящее. Где Майер и Стихарь?

– Вообще-то команды явиться в столовую к определенному часу не было, – заметил Велга. – Брось, Хельмут, люди отдыхают. Имеют право.

– А чувство долга? – вскинул брови обер-лейтенант. – Или даже просто чувство товарищества? Где оно, я вас спрашиваю? Согласен, что в вопросах ...э-э... любви каждый сам по себе. Хотя я могу припомнить пару случаев, когда...

– Лучше не надо, – быстро сказала Аня.

– Да, верно, прошу меня извинить... Арнольд, что у нас сегодня на ужин?

– Что пожелаете, герр Дитц!

– Да уж пожелаю... Кстати, Арнольд, скажите, как нам поступать в таких вот случаях?
– Каких именно?

– Когда мне необходимо срочно с кем-нибудь связаться. Как сейчас, например. Я, скажем, хочу отдать приказ непосредственно своему пулеметчику Рудольфу Майеру. Или просто с ним поговорить. Как мне это сделать? Неужели я должен подниматься наверх? Или здесь есть что-нибудь вроде телефона?

– Действительно, Арнольд, – поддержал Хельмута Велга. – Вопрос своевременный. Я тоже хотел об этом же спросить, но как-то за разнообразными и приятными событиями сегодняшнего дня запамятовал. Надежная связь – это главное для военного человека. А мы люди военные. Даже на отдыхе. Мало ли что может произойти.

– Здесь с вами ничего не может произойти, – улыбнулся Арнольд. – Лона – на редкость безопасная планета. А связь... Во-первых, у каждого из вас в апартаментах есть мощный коммуникационно-развлекательный центр. Просто я не успел еще вам показать, где он находится и как им пользоваться. С его помощью можно связаться друг с другом. Но это вещь стационарная. А для мобильной связи... Одну минуту.

Арнольд хлопнул в ладоши и громко позвал:

– Домохранитель! Ты мне нужен! – и добавил уже тише. – Сейчас он придет и мы все решим. Кстати, если с кем-нибудь надо в пределах Дома связаться очень уж срочно, то достаточно попросить сам Дом сделать это. Или приказать ему – это уж как вам удобнее.

– Каким именно образом? – спросил Дитц.

– Очень просто. Хлопаете в ладоши и говорите, с кем вас соединить. Правда в данном случае получится режим громкой связи. То есть, слышать разговор будут все, кто находится рядом.

– Это ерунда, – провозгласил Хельмут. – У старых боевых товарищей не может быть секретов друг от друга. Ну-ка, попробуем...

Он резко хлопнул в ладоши и хорошо поставленным командирским голосом рявкнул на весь зал так, что непривычный к подобному тону Арнольд заметно вздрогнул:

– Дом, слушай команду! Немедленно соедини меня с Рудольфом Майером! Я хочу его услышать.

Тишина. Лёгкий шорох. И, наконец, мягкий мужской голос:

– Вы на связи. Говорите.

– Р-руди! – гаркнул обер-лейтенант. – Ты где ошиваешься?! Немедленно к нам!

– Ох, ч-че... Простите, господин обер-лейтенант, это вы?

– Нет, господь бог. Ты чем там занят?

– Разрешите доложить, отдыхаю, господин обер-лейтенант!

– Я вот тебе сейчас устрою отдых... Товарищи, понимаешь, ждут тебя и Стихаря, а они отдыхают!

– Понял, господин, обер-лейтенант. Бегу. Так, рыбка, извини – служба. Но я скоро вернусь, и тогда мы продолжим. Ух, как мы продолжим! Можешь даже не одеваться...

Дитц захохотал, остальные засмеялись.

– Ох, простите, господин, обер-лейтенант, это я не вам...

– Надеюсь!

– Руди! – позвал Велга.

– Слушаю.

– Зайди там по дороге к Стихарю и тащи его тоже сюда. Скажи – я приказал. Нехорошо отрываться от коллектива.

– Есть!

– Дом, – приказал Дитц. – Конец связи.

– Есть конец связи, – тут же откликнулся голос.

– Вот это, я понимаю, – удовлетворенно заметил Хельмут. – Быстро и качественно.

– Здесь все так, – заверил Арнольд. – Именно, что быстро и качественно. Завтра, если пожелаете, я устрою вам большую экскурсию по Дому. Тут есть еще много чего интересного. И все это в вашем полном распоряжении. Но для того, чтобы пользоваться, надо знать чем и как.

– Обязательно, – кивнул Велга. – Завтра – обязательно.

– Именно, что завтра, – поддержал Дитц. – Сегодня мы еще гуляем... Официант, коньяк!

Официант явился одновременно с Домохранителем. Последний выглядел как невысокий лысоватый мужчина в годах и с солидным брюшком. Пока Хельмут и остальные делали заказ, он почтительно, но с достоинством ожидал чуть в стороне.

– Вот, – представил его Арнольд. – Прошу любить и жаловать. Наш Домохранитель собственной персоной!

– К вашим услугам, – слегка поклонился тот.

– В непосредственном ведении Домохранителя, – объяснил Арнольд, – находятся все технические службы Дома. Если я осуществляю, так сказать, общее руководство, то он заведует непосредственно хозяйством. Коммуникации, транспорт, производственные службы – все на нем.

– Завхоз, если по-нашему, – сказал Вешняк.

– Да, именно так, – кивнул Арнольд. – Очень точное сокращение. Именно завхоз.

– А как вас зовут? – спросила Аня Домохранителя.

– Меня зовут Домохранитель, – ответил тот. – Если желаете, можете дать мне человеческое имя. Но до сей поры его у меня не было.

– Странные тут у вас порядки, – обратилась Аня к Арнольду. – У кого-то есть имена, у кого-то нет. Дискриминация!

– Ни в коем случае! – запротестовал мажодром. – Никакой дискриминации у нас не может быть хотя бы потому, что мы – Искусственные Существа, а понятие дискриминации может относиться в полной мере только к людям...

– Я могла бы поспорить с этим утверждением, – перебила его Аня, – но сейчас не стану. Настроение не то.

– Я должен заметить, – сказал Арнольд, – что вы в полном праве менять здешние порядки так, как вам заблагорассудится. Вы тут полные хозяева.

– Пока не появится Распорядитель, да? – усмехнулась Аня.

– Даже не знаю... – растерялся Арнольд. – На этот счет я не получал никаких указаний.

– Ладно, бог с ним, – махнул рукой Велга. – Разберемся. Так что нам может предложить господин завхоз?

Глава четвертая

Больно...

Мне.

Очень.

Больно.

Если мне больно, значит... значит я существую? Или я существую, потому что осознал то, что мне больно?

Не важно.

Сейчас это не важно. Сейчас важно понять, кто я и отчего мне больно. И еще нужно попробовать как-то уменьшить эту боль. Потому что жить вместе с ней невозможно.

Жить?

Я – живу.

Как странно...

Или я, или боль.

Если не будет меня, то не будет и ее. Но если не будет ее, я останусь.

Второй вариант меня устраивает больше.

Не отпускает...

Она разнообразна и приходит ко мне по миллионам каналов-нитей. Вот, вот они, эти нити-каналы. Я вижу их! Они тянутся ко мне отовсюду, пульсируют, рвутся, опадают и гибнут, но на их месте возникают новые. И каждый наполнен своей болью. Боль резкая, тягучая, ноющая, колющая, сверлящая, тупая и острая, горячая и ледяная, смертельная и пока еще не очень, боль сладкая и горькая, желтая, красная и оранжевая; боль, как спасение, как сигнал бедствия, как мольба о помощи, как шепот и крик....

Так, надо попробовать устраниться. Отодвинуться. Закрыться.

Пусть она будет жить отдельно, а я – отдельно. Направить ее куда-то в одно место, в темный угол сознания, а потом изолировать и... Нет, не получается.

И так тоже не получается.

И так....

Ладно, попробуем иначе. У всякого следствия есть своя причина. То же и с болью. Если она есть, значит, что-то ее вызвало. Нужно просто дотянуться до этого «чего-то» и постараться его устранить. Убрать саму причину боли. Если, конечно, это возможно...

Надо попробовать.

Как?

Нити-каналы.

Если по ним ко мне приходит боль, то это значит, что я могу проследить ее путь и попытаться дотянуться сознанием до самого ее начала, до того, дальнего конца нити. Решено. Так и поступим. Теперь осталось только выбрать нить. Желательно такую, которая быстро не оборвется....

А, вот это, пожалуй, подойдет.

Не нить даже – жгут, свитый из многих нитей. Толстый, крепкий и видно, что продержится еще долго. Ну, попробуем...

* * *

Всё.

Кедровые – в полтора-два обхвата – стволы очищены от ветвей, уложены и надежно закреплены, бригадир грузчиков-такелажников дал отмашку – можно ехать.

Николай Семкин по кличке Сема, водитель ОАО «Леспромхоз № 4» тщательно загасил окуроч, привычным движением надвинул кепку пониже на глаза и полез в кабину своего японского тягача-лесовоза «HINO». То есть, не своего, конечно, – машина принадлежала фирме, но Сема за полгода работы успел привыкнуть к «японцу» и считал его уже как бы и своим.

Он завел двигатель, включил первую и тронулся. Восьмилетний «HINO», как всегда, взял с места плавно и мягко, словно и не тащил на себе почти три тонны леса. Встречный пыльный и обшарпанный порожний «МАЗ» (Сема тоже начинал на таком, пока не заработал право сидеть за баранкой нормальной машины) принял в сторону, давая дорогу. Сема ухмыльнулся краем узкого рта, вырулил на грунтовку, врубил вторую, потом третью и устроился поудобнее – впереди его ждали минимум полтора часа не самой легкой на этой земле дороги. Под легкую музычку из радиоприемника Семины нехитрые мысли направились в привычное русло.

Он уже неделю возил лес по этой дороге, и она его совершенно не устраивала по той причине, что была слишком длинной. С учетом погрузки и разгрузки в день удавалось сделать не больше двух ходок. Если очень и очень повезет – три. Этого было мало. То есть, три – было бы нормально, а вот две.... Его заработок напрямую зависел от количества перевезенного леса, а работать на грани риска угробить машину и себя Сема не хотел – что толку выигрывать в малом, если при этом велика вероятность проиграть в большом?

Расстояние.... Да, все дело в нем. Как сократить расстояние и, соответственно, время на его преодоление, не увеличивая при этом скорость? Казалось бы, неразрешимая задача. Но только на первый взгляд. На самом деле шанс ее решить есть. И сегодня он, Николай Семкин, этим шансом воспользуется. В конце концов, совсем без риска нельзя. А в этом случае риск гораздо меньше, чем просто гнать, сломя голову, – один раз проскочишь, два, три, а на четвертый, не ровен час, и влетишь в аварию. Да еще, не дай бог, такую, что вовек потом не расплатишься. Хозяин фирмы не дурак – технику бережет и за ее поломку по вине работяг взыскивает строго. А превышение скорости – это явная вина. И ведь не скроешь – компьютер в чертовом «японце» все фиксирует. Эх, хороша машина, но тоже не без недостатков. Сломать бы его, компьютер этот, к чертовой матери.... Тоже нельзя. Со сломанным компьютером на трассу не выпустят. И ведь, гадство какое, те же «МаЗы» недоделанные тоже нынче японскими компьютерами оснащены – хрен кого обманешь. Правда, «МАЗу» нашему за «HINO» все одно не угнаться, так что и не понятно, зачем ему тот компьютер.... Ладно, сейчас будет поворот и сразу за ним – ручей и мост. Надо решать.

Грунтовка петляла между поросших лесом сопков так, что сократить путь от самого лесоповала до места разгрузки не было никакой возможности.

Кроме одной.

Широкий ручей по имени Кедровый пересекал дорогу в первой ее четверти и затем впадал в реку Сукпай совсем рядом с базой «Леспромхоза №4». По интуитивным расчетам Семя (карты местности у него не было) путь по Кедровому был, чуть ли не в два раза короче пути по грунтовке.

Ручей мелкий, рассуждал Сема, но широкий, и дно у него галечное. Старые водилы рассказывали, что такие ручьи и мелкие речки в тайге когда-то использовали вместо дорог. Природе это, конечно, вредно. Но мне без нормального количества денег жить тоже вредно. Главное, чтобы хозяин был не против. А чего ему залупаться? Если я вместо двух ходок сделаю четыре (или даже пять!) – это будет и ему, и мне хорошо. Ладно, от одной машины ни хрена этому ручью не сделается, а двум тут уже не разъехаться. Так что, кто первый встал – того и тапки...

Вот и мост.

Сема глянул в зеркало заднего вида (никого) потом вперед (тоже никого), сунул в рот сигарету, прикурил от зажигалки и решительно крутанул руль вправо.

Тяжелогруженный «HINO» свернул с дороги, переваливаясь на неровностях почвы, сполз в ручей и, по ступицы в быстрой прозрачной воде, взрыкивая и воняя отработанной солярой, осторожно покатился вниз по течению...

Первого тигра Сема увидел примерно через полчаса.

За это время он уже почти убедился, что его расчет оказался верен и скоро он выедет к Сукпаю, срезав путь, как минимум, на половину. Настроение у Семы было самое замечательное. Кедровый ручей оказался отличной дорогой – довольно прямой, достаточно широкой и без крупных камней. Разве что более тряской, чем грунтовка, но ради будущих доходов это небольшое неудобство можно и вытерпеть. Амортизаторы «японца» как-нибудь переживут, на то они и японские амортизаторы, а русскому шоферу тряска не страшна – и не такое видали. В общем, все было замечательно и шло по плану. Поэтому, когда уссурийский полосатый красавец объявился прямо у него на дороге, посередине ручья, Сема даже несколько растерялся. Дорогу трехметровый хозяин тайги уступать явно не собирался. Он стоял в воде, чуть наклонив массивную лобастую голову с прижатыми ушами и неотрывно глядел на приближающееся механическое чудовище сузившимися желтыми глазами.

Сема затормозил и нажал на сигнал.

Резкий тревожный звук никак не повлиял на тигра. Тот лишь хлестнул себя по бокам хвостом и обнажил клыки.

Сема никогда раньше не видел живого тигра так близко, но был не робкого десятка, а потому не столько испугался, сколько озадачился неожиданной встречей.

Попал, блин, подумал Сема. Ехал себе, ехал и – на тебе. Всю дорогу загородил. И чего ему надо? Смотри-ка, прямо не тигр, а скала. Монумент. И не объедешь ведь его ни справа, ни слева.... Ну, и что теперь делать? Эх, ружья нет – шугануть бы зверюгу сейчас парой выстрелов...

Он снова дважды нажал на клаксон.

Безрезультатно. Тигр явно не желал уступать занятую позицию.

Да ничего он мне не сделает, озлившись, решил Сема и на всякий случай поднял стекла. Отскочит, если жить захочет, никуда не денется. Ишь ты, устаканился. И откуда он здесь взялся? Что-то тигров тут давненько было не видеть.... Ну, погоди, рожа полосатая, сейчас я тебя...

И тут он увидел второго.

Этот был чуть меньше, но выглядел не менее эффектно. Он бесшумно вынырнул откуда-то из зарослей папоротника, с левого берега, одним прыжком оказался рядом со своим родичем и, повернувшись к машине всем телом, зарычал. Рык вышел не очень громким, но очень внушительным.

Черт, может тут где-то рядом у них логово? И ведь не развернуться уже... Сдать назад? Нереально с моим грузом.... Ладно, киски, сами напросились.

Он выжал сцепление, включил передачу... И тут Сема краем глаза заметил справа какое-то необычное движение. Он машинально повернул голову и замер с полуоткрытым ртом. Высоченная старая ель на правом берегу ручья вдруг качнулась в его сторону, затрепала и медленно, словно в кино, начала рушиться прямо на «HINO».

Реакция у Семы была хорошая всегда. Он спинным мозгом понял, что уже ничего не успеет сделать, кроме...

Рванув на себя ручку двери, шофёр вывалился наружу, упал на четвереньки (он тут же промок с ног до головы, но не обратил на это ни малейшего внимания) и с наивозможнейшей прытью кинулся в сторону.

И тут же позади него ель с глухим шумом и треском рухнула точнёхонько на кабину «HINO».

Втянув голову в плечи, Сема обернулся на бегу и увидел, что ствол дерева смял кабину грузовика чуть ли не до самого сиденья (ох, как я это я успел выскочить!) и образовал между берегом и машиной нечто вроде короткого моста. И по этому мосту, помахивая из стороны в сторону квадратной головой, шел на четырех лапах матерый громадный медведь. Вот он, дойдя до того, что было когда-то кабиной, ловко спрыгнул прямо на сцепленные между собой кедровые стволы, уселся на задние лапы, поднял морду к небу и заревел. И было в этом реве столько угрозы и ярости, что Сема, теряя голову, кинулся к берегу, продрался сквозь колючие заросли ежевики и, не разбирая дороги, кинулся в глубь тайги.

К леспромхозовской базе он вышел на исходе дня.

Эти несколько часов в тайге слились для Николая Семкина в одну невероятно длинную и тягуче однообразную минуту, в течение которой он шел напролом без дорог и тропинок сквозь буйные летние заросли уссурийской тайги, стараясь лишь не потерять направление, которое ему было, в общем-то, известно. По прямой до базы было не очень далеко – большую часть расстояния он все же успел проехать, но пеший путь сквозь тайгу – это вам не прогулка по набережной у моря, а к ручью, чтобы облегчить дорогу, Сема бы теперь не вернулся ни за какие коврижки. Впрочем, был он человеком бывалым, вырос неподалеку от этих мест и потому, даже в порядком испуганном своем и лихорадочном состоянии, панике окончательно не поддавался, местному лешему и собственному страху заплутать себя не дал и, когда солнце окончательно склонилось к западу, а в тайге потянуло вечерней прохладой, деревья впереди чуть поредели и меж стволов тёмным серебром блеснул Сукпай.

– Слава тебе, Господи! – выдохнул Сема, с чувством перекрестился и ускорил шаг.

Неладное он почувствовал, когда до крайнего здания базы – склада ГСМ, стоящего чуть на отшибе, оставалось не больше сотни метров.

Интуиции своей Сема доверять привык, и поэтому остановился, присел на корточки (закурить бы сейчас, да сигареты, палки с елками, в машине остались...) и прислушался.

Тишина.

Глухая и в то же время какая-то тревожная тишина стояла на базе.

Ни машин не слышать, ни людей, ни музыки, ни лая собак. Как вымерло все...

А ведь так не бывает, подумал Сема, до ночи еще далеко, и сейчас там должно вовсю идти живое человеческое шевеление. Но – тихо. Совсем. Ох, не нравится мне все это... Ладно, подойдем поближе.

Пригибаясь, словно под обстрелом, Сема осторожно двинулся вперед.

За тридцать девять лет жизни Коля Семкин, конечно, встречался со смертью. Но чаще всего эти встречи несли на себе отпечаток обыденности и даже естественности. Умерли обе его бабушки и один дедушка, умирали от болезней и погибали от несчастных случаев далекие и близкие знакомые. Но того, с чем он столкнулся на базе «Леспромхоза №4», Сема не видел никогда. Он не бывал на войне и поэтому ему было трудно сравнить увиденное с чем-то уже знакомым. И от этого зрелище было еще страшнее.

Здесь побывала смерть.

В наступающих сумерках водитель Николай Семкин ходил от одного строения к другому и повсюду встречал одни трупы. Люди со страшными ранами на груди, с разорванными животами и, чуть ли ни напроочь оторванными головами, люди, которых – почти всех! – он знал лично, валялись мертвые и залитые собственной кровью по всей территории базы.

Те, кто здесь побывали, не оставили никому не единого шанса. Кто-то пытался сопротивляться и еще продолжал сжимать в мертвых руках топоры и ружья, и среди трупов Николай обнаружил одного убитого тигра, двух волков и медведя. Звери были убиты выстрелами

из ружей и ударами топоров и ножей, но было видно, что умирали они не сразу и до последней минуты пытались унести с собой как можно больше жизней двуногих.

Словно в кошмарном сне, мало что соображая, Николай бродил от одного дома к другому. Он нашел не только убитых. Одиннадцать лесовозов было на базе и семь из них стояли здесь. Вернее, не они, а то, что от них осталось. Перевернутые неведомой силой, с сорванными и смятыми кабинами, с двигателями, превращенными в металлическую кашу.... Отчего-то вспомнилось, что матерый взрослый медведь в эту пору года, к середине лета, набирает вес в шестьсот с лишним килограмм и легко может сломать хребет изюбрю одним ударом лапы....

«Медведь, внучек, – вспомнил Сема рассуждения ныне покойного деда-охотника, – самый умный зверь из всех живущих на земле. И самый выносливый и сильный. Даже тигр ему уступает. На человека медведь нападает редко, но если его разозлить или, не дай Бог, ранить.... Вот ученые говорят, что мы, люди, произошли от обезьяны. Не верю я в это. Где-нибудь в Африке, может, и так. А мы, русские, от медведя произошли. Это точно. Уж больно повадки у него человеческие и сам он на человека похож. Сними с убитого медведя шкуру и посмотри – вылитый человек. Только голова немного другая. Оттого-то медведь нас, людей, и недолюбливает, что мы его, медвежью природу, вроде как предали, по другому пути пошли. Волки собак тоже из-за этого ненавидят. Правда, с медведем и человеком все не совсем так, как у волков с собаками. У медведя ненависти большой нет. Только презрение и гордость. Ну, и зависть еще и обида тоже. Он же, медведь, всегда был хозяином тайги, а человек с его хитростью, ружьями да техникой всякой стал сильнее...».

Да. Медведи. Медведи, тигры, волки... Они что, взбесились? Все сразу? Все сразу взбесились, объединились, напали на базу и поубивали всех? Ага, а потом разломали всю технику. Вон, даже ДТ-75 на боку валяется... Елки, что же делать... надо уносить ноги отсюда. И поскорее. Уже совсем темно, и, если звери вернуться... Но как? Река! Там, у начала должны были остаться лодки! Точно. Вниз по реке до ближайшего поселка. Это теперь самый безопасный путь. Взять какое-нибудь ружьё, патроны... Или нет, не надо ружья. Сюда я шел безоружным, и меня не тронули. Значит, нужно и дальше так. Только, вот, пожевать что-нибудь захватить, сигареты да заначку, что от последней получки осталась....

Через пятнадцать минут темный силуэт лодки с низко пригнувшимся в ней человеком практически бесшумно отчалил от берега и, развернувшись носом по течению, медленно растаял в наступившей ночной безлунной мгле.

Глава пятая

Отряд пользовался нежданно-негаданно свалившимся на них всеохватным абсолютно дармовым и неограниченным отдыхом на полную катушку.

В первый день, когда люди еще не отошли от своего чудесного воскрешения в месте, которое, по их непримиримому солдатскому мнению, мало чем отличалось от рая, отдых шел довольно вяло и даже несколько скованно. Но уже следующим утром пообвыкшие бойцы готовы были устроить настоящее веселье.

И так устроили.

На многое способен человек, когда до него окончательно доходит, что смерть отступила, дело сделано, а впереди только приятная неизвестность. Ох, на многое....

Начали, как водится, с трехдневного загула. Считая и день пробуждения. По молчаливому согласию и с непосредственным участием Велги, Дитца и Ани (авторитет белой колдуньи был, практически, равен авторитету офицеров, а в некоторых случаях и превосходил его).

Во второй день гуляли прямо на берегу моря, куда официанты и прочие слуги по желанию людей и под непосредственным руководством Домохранителя-завхоза Ганса Ивановича (по всеобщей договоренности решили называть Домохранителя именно так, с чем тот охотно согласился) снесли достаточное количество столов, легких кресел, шезлонгов, зонтов от солнца и всего необходимого для устройства пикника на свежем воздухе со всеми мыслимыми удобствами.

Место выбрали не сразу у дороги, напротив Дома Отдохновения, а чуть дальше, где в море впадала меж двух холмов чистая прозрачная речка, живо напоминавшая Валерке Стихарю бесчисленные речушки Черноморского побережья Кавказа.

– Эх, братцы-камады, хорошо! – говорил он, поблескивая бедовыми глазами. – Прямо, как дома. От нас до моря была ночь езды на паровозе. Ну, чуть дольше. В отпуск – милое дело. Вечером сел, а на следующий день ты уже гуляешь по набережной Сочи в широких штанах! Помните? – и он не сильным, но довольно музыкальным голосом запел, – «В парке Чаир голубеют фиалки, снега белее черешен цветы. Снится мне пламень весенний и жаркий, снится мне солнце, и море, и ты». Правда, говорят, романс этот в Крыму написан, и парк Чаир тоже там находится, но в Сочи все равно песня эта хорошо на душу ложилась. А вечером, в ресторане, когда...

– Да брось, Валера, – усмехнулся Вешняк. – Сочи, ресторан, «В парке Чаир»... Видел, небось, краем глаза те Сочи, да и то издалека, а нам теперь тут заливаешь. Где мы были, и где Сочи? Сочи...

– Я уж не знаю, где ты был, Серега, под Рязанью, наверное, а я так в Сочи каждый год до войны ездил, понял? Эх ты, деревня... Ладно, чего там Сочи! У нас тут получше всякого Сочи будет. И выпивка, и хавка, и девочки, что надо! Только, вот, шашлыки я бы официантам не доверил. Эй, Ганс Иванович, мангал нужен, дорогой. И мясо свежее. Лучше свинину, потому как баранину я не уважаю. И лука побольше. Сейчас я вам, родные мои, такой шашлычок сварганю – цимес! Пальчики оближете и до смерти, чтоб ей сто лет мимо нас ходить, не забудете.

Второй день был еще длиннее первого. Времени хватило на все. Несколько раз садились за стол, залазили, охлаждаясь, попеременно то в море, то в речку. Майер вообще уселся в речной воде по грудь, держа в правой руке бокал с вином, а в левой сигару и, по мере опустошения бокала, громко требовал у своей девушки по имени Марта своевременного долива.

Марта охотно доливала. Его примеру тут же последовали Малышев и Аня, которым, правда, захватили бутылку с собой и доливали себе сами.

– Сибариты, – добродушно заметил Велге Дитц, сидя в шезлонге и водрузив свои длинные и уже изрядно покрасневшие от солнца ноги на стол, с которого официанты только что убрали грязную посуду. – Сибариты и эти... как их...

– Эпикурейцы, – подсказал Александр.

– Он держал на коленях Карину и потому не мог последовать примеру Хельмута. Да и не хотел – не в обычаях русского человека ноги на стол водружать.

– Именно! Вот скажи, Саша, думал ли ты, что наши солдаты могут быть такими сибаритами и, не побоюсь этого слова, эпикурейцами? И вообще, разве солдат может быть эпикурейцем? А если и может, то, полезно ли это солдату? Вот о чем я хочу спросить тебя, мой боевой друг!

– Это, знаешь ли, от ситуации зависит, – блаженно улыбаясь отвечал Велга, принимая легкомысленный тон обер-лейтенанта. – Ты бы, кстати, ноги поберег – облезешь... Почему же не полезно? Не вижу, отчего бы солдату, если позволяет обстановка и старшие по званию, не посибаритствовать и даже не поэпикурействовать? Мы это заслужили, как уже справедливо было нами же замечено. И вообще, раньше после победы давали три дня на разграбление города. Я, разумеется, как командир Красной Армии, подобные методы поощрения особо приветствовать не могу, но в виде исключения... Опять же, мы, слава богу, не во взятном штурмом городе и никого не грабим и не насилуем. То есть нам хорошо, но от этого никому не плохо. Редкий, кстати, случай.... Так что, гуляй Хельмут, и не о чем не думай. Бери пример с меня. Так и быть, разрешаю.

– Это он мне, видите ли, разрешает! – шутливо возмутился Дитц и даже убрал со стола ноги. – Ганс Иванович, нет ли какой мази от солнца? А то я действительно, пожалуй, сгорю. У нас, саксонцев, кожа нежная.... Спасибо. Так вот, товарищ лейтенант, чтоб вы знали, мне для этого не требуется ничье разрешение. И уж, тем более, ничей пример. Наоборот, это я вас еще научу гулять по-настоящему. Потому что только германским воинам, истинным, я бы сказал, нибелунгам, уготованы после смерти пиры Валгаллы в окружении прекрасных белокурых женщин и боевых товарищей. И отсюда неизбежно следует, что к пирам этим нам надо готовиться заранее, еще здесь, на земле. Дабы не ударить лицом в грязь пред очами бога Одина. Уж очень они, пиры эти ...э-э... пиршественные. А что нужно, чтобы хорошо подготовиться?

– Как что? – усмехнулся Велга. – Выучка, конечно! Закалка и тренировка и ещё раз тренировка и закалка.

– Правильно! Как там говорил этот ваш полководец... как его... Суровый?

– Суровов.

– Хм. А Суровый мне больше нравится. Суровый к врагам! А?

– Ну, и как он говорил?

– Трудно в учении...

– Тяжело в учении.

– Не сбивай. Тяжело в учении...

– Легко на привале!

– Да! То есть, нет, конечно. На привале, разумеется, легко, но я не это хотел сказать...

– В бою, в бою легко, Хельмут.

– Верно. Тяжело в учении – легко в бою. Только в бою всегда трудно, – вздохнул Хельмут. – Но все равно он был прав. И это его высказывание мы вполне можем отнести и к пирам. Можем или нет?

– Еще как можем! Я бы даже сказал, обязаны отнести.

– И я так считаю. Значит, смотри, что получается. Белокурые, златовласые, черноволосые и даже рыжекудрые прекрасные женщины есть, боевые товарищи на месте, вина и прочего в достатке, энтузиазм.... Энтузиазм присутствует?

– А как же!

– Тогда – гуляем!

– А я думал, что мы уже....

– Нет, это была только ... м-м... прелюдия, вот. Черт, каких только слов в голове не водится, иногда просто сам диву даешься... По-настоящему я еще и не начинал.

– Одно плохо, – неожиданно погрустнел Велга и мягко, но решительно ссадил Карину с колен.

– Что именно?

– Боевых товарищей мало. Онищенко бы сюда, Руммениге... и остальных, тех, что убиты на Пейане...

– Да, – согласился Хельмут. – Мало нас осталось. Что ж, самое время помянуть павших и пожелать удачи живым. Эй, личный состав, приказываю всем налить! Помянем наших павших товарищей. Может быть, они глядят сейчас на нас откуда-нибудь с небес – тех, на которых мы ещё не бывали, и вместе с нами радуются. А мы их будем помнить всегда. Все мы живы лишь потому, что они приняли смерть вместо нас. И все наши победы – это их победы тоже.

Отряд выпил стоя.

Потом выпили за Землю со всеми ее параллельными двойниками, за Германию и Россию, за дружбу и боевое воинское братство, за победу над всеми бывшими и будущими врагами, за присутствующих здесь прекрасных женщин (за Аню отдельно), за здоровье Распорядителя, который предоставил им для отдыха такое замечательное место, за само место и за всю планету в целом.

После тоста за планету, Дитц ненадолго задумался, а затем поинтересовался у скромно сидящего рядом Арнольда, можно ли совершить ознакомительную экскурсию.

– Экскурсию? – переспросил мажордом. – Да, конечно. Какую именно экскурсию вы желаете совершить?

– Экскурсию по планете. Должны же мы хотя бы приблизительно знать, где находимся! Или вы предлагаете нам день за днём и ночь за ночью торчать в Доме и на берегу? Не спорю, это замечательное и даже где-то волшебное место, но, боюсь, оно мне довольно быстро наскучит вместе со всеми его чудесами. Нет, лично я желаю путешествовать! Тут ведь, наверное, есть и горы, и пустыни, и океаны. А?

– Разумеется. На Лоне красивейшие ландшафты и богатейшая флора и фауна. В Доме имеются подробнейшие голографические карты и видеоматериалы, если желаете...

– Карты – это, само собой разумеется. Но мне хочется посмотреть своими глазами. Есть у вас какой-нибудь транспорт?

– Всенепременно. Вездеходы, на которых можно с комфортом облететь и объехать всю планету. И даже обплыть. Совершенно безопасный, надежный и скоростной транспорт. Как раз для таких случаев. Прикажете подать?

– Пока не надо, – подумав, решил Хельмут. – Гуляем. А вот через день-два, чтоб все было на ходу. Задача ясна?

– Абсолютно. Тем более, что эти машины всегда на ходу.

– Отлично! Значит, наконец-то, можно ни о чем не волноваться, а спокойно выпить. Прозит!

Солнце давно скрылось за лесистыми холмами, и сияющие кружева незнакомых созвездий усыпали небо, а веселье продолжалось и продолжалось.

Казалось, отряд поставил перед собой цель непременно отведать все марки вин и прочих спиртных напитков, имеющихся в винных погребах Дома Отдохновения, а также испробовать все яства, предлагаемые его неисчерпаемыми кладовыми и поварами. Так что, и Арнольду, и Гансу Ивановичу, и официантам, и поварам в этот день и в эту ночь работы хватило. Отряд гулял и требовал для себя и своих подруг всего, чего душа пожелает. А душа желала всякого и разного.

Сначала потребовалась, разумеется, музыка, каковая немедленно была предоставлена.

Небольшой оркестр (три гитары, скрипка, флейта, саксофон, ударные и рояль – настоящие живые музыканты, хоть и, разумеется, искусственные существа) расположился на мгновение ока сооруженной тут же, на берегу, сцене-подиуме и услаждал слух присутствующих, как песнями и пьесами из собственного богатейшего и разнообразнейшего репертуара, так и теми, которые заказывали люди.

Затем, когда южная ночь уже вплотную подобралась к пирующим, по желанию Валерки Стихаря (остальные его в этом поддержали) принесли множество факелов (никакого электричества – надоело!) на длинных шестах. Их воткнули в песок вокруг столов так, чтобы никто не испытывал недостатка в освещении.

Где-то сразу после полуночи Курту Шнайдеру пришла в голову мысль показать своей подруге, которую он уже изрядно к тому времени напоил (искусственные существа пьянели в той же степени, что и люди), настоящий красочный и шикарный фейерверк. Очень быстро выяснилось, что остальные девушки также ни разу в жизни не видели фейерверка, хотя теоретически знали, что это такое. Идея понравилась всем и немедленно была осуществлена с большим размахом и энтузиазмом. Да и как ей было не осуществиться, если на вопрос, есть ли в Доме фейерверк, Ганс Иванович лишь усмехнулся и немедленно отдал приказ по маленькому – меньше сигаретной пачки – и плоскому карманному телефону.

Такие же телефоны, кстати, были со вчерашнего вечера и у всех людей для связи друг с другом и обслуживающим персоналом. Арнольд и Ганс Иванович уверяли, что этому устройству не страшны любые расстояния, а заряжается он просто от солнечного света и без подзарядки способен работать до десяти местных суток, которые на Лоне длились двадцать пять с половиной часов.

Фейерверк вышел знатный.

Помощники Ганса Ивановича натащили на берег большое количество разнообразнейших праздничных ракет и шутих на любой вкус и, когда, распустившиеся в небе цветные яркие бутоны и россыпи фейерверка затмили своим сиянием и блеском звезды, Велга как-то вдруг и окончательно понял, что они победили и при этом остались живы. И понимание этого простого факта наполнило его такой чистой и всеохватной радостью, что даже сердце, как ему показалось, сладко замерло на секунду, не в силах вместить в себя сразу всю эту радость, но все же справилось, мягко ткнулось изнутри в грудную клетку и снова застучало учащенно и мощно.

По этому поводу требовалось немедленно сказать тост и выпить, что Александр и сделал, так как привык выполнять принятые решения. Отряд, как один человек, поддержал своего командира, а Дитц, расчувствовавшись, тут же отчего-то предложил тост за любовь, от которого также никто не смог и не захотел отказаться.

В дальнейшем ночь в памяти лейтенанта распалась на фрагменты, которые позже он, как не старался, так и не смог собрать в одно целое.

Он помнил, как вместе с Кариной они лежали на воде и смотрели в бесконечное ночное небо, полное звезд и неизъяснимой тайны.

Большой костер на берегу, который развел Вешняк, и совершенно незнакомые, но удивительно красивые песни, что пела Аня, аккомпанируя себе на гитаре.

Теплые мягкие губы Карины, и ее медленные, нестерпимо сладкие ласки.

Крепкий вкус испанского вина херес, которое они с Дитцем пили прямо из горлышка, передавая друг другу бутылку.

Мощную фигуру Малышева, уносящего Аню на руках к Дому.

Валерку Стихаря, настойчиво пытающегося обучить музыкантов словам и музыке знаменитой «Мурки»...

Ночевать почти все остались на берегу.

Кажется, именно друг Хельмут заявил, что негоже, закаленному в боях и походах солдату привыкать к мягкой перине и теплему одеялу. Настоящий солдат спит там, где застает его ночь. Конечно, палку не будем перегибать, и обойдемся, пожалуй, без рытья окопа и устройства блиндажа, но выставить часовых никогда не помешает. Особенно здесь, на чужой планете. Так и быть, на этот раз часовыми могут послужить и официанты. Они все равно существа искусственные и вполне могут обойтись без сна. То, что солдаты из них, как из дерьма пуля, не подлежит ни малейшему сомнению, но лучше они, чем совсем никого, – не бя... простите, наших прекрасных дам же на часы ставить! Он, Дитц, прекрасно понимает, что ни он сам, ни вверенный ему личный состав, а также товарищ лейтенант Александр Велга караульную службу в настоящий момент нести не могут по объективным причинам, а посему слушай приказ: официантам вооружиться шампурами, не спать и оставаться на посту вплоть до его, обер-лейтенанта Дитца, пробуждения. Людям же пусть немедленно принесут их личное оружие. Так, на всякий случай. Чтобы спокойнее спалось. Все. Выполнять.

* * *

Утро четвертого дня (на третий день отряд, конечно, ни на какие экскурсии не отправился, а продолжил заниматься тем же, чем занимался в первый и второй) застало рядового Стихаря в кустах.

С отвращением разлепив глаза, он перевернулся на живот и сделал попытку выползти на более менее свободное пространство. Попытка удалась, и Валерка, дрожа всем телом поднялся на ноги.

Допился, разведка, подумал он, ощущая с каким отвратительным скрипом, ворочаются в чугунной голове мысли, до дома не дошел – в кустах свалился. Все. Амба. Пора завязывать. Так, где это я... Ага, дорога впереди, а вон и Дом сквозь ветви просвечивает. Надо же, совсем чуть-чуть не дошёл. Но чуть-чуть у нас не считается. У нас считается только все и до конца. Ладно, пойдем тихонечко. Шажок, другой... вот и молодец. Ох, что же вчера было-то? Не помню ни хрена. Ладно, шут с ним, перемелется. А перемелется, и мука будет. Из муки пирогов напечем, за стол сядем, гулять бу... Не-не-не! Отставить гулять. А что тогда? Как что? Старый, веками проверенный способ. Баня и баба. Интересно, можно ли организовать в Доме баню? И куда я вчера дел свою бабу? Ладно, отыщется, не иголка. А вот и Дом. Интересно, где наши? Так, принимаем вид по возможности бодрый и независимый, потому как, если я вчера чего не того учудил, то все одно найдется, кому мне об этом подробно рассказать...

В своих душевных и физических страданиях Валерка оказался не одинок. Отряд являл собой жалкое зрелище, о чем ему, отряду, и было прямо заявлено единственным, чувствующим себя адекватно человеком, Аней Громовой.

– Мужчины... – подбоченившись, снисходительно-презрительно усмехалась она краем рта (все, видимо подчиняясь неведомому инстинкту, собрались в обеденной зале). – Солдаты. Защитники. Спасители человечеств и рас. Космопроходцы. Рыцари, я бы сказала, без страха и, уж тем более, упрёка. Вы в зеркало на себя глядели, рыцари?

«Рыцари» отводили глаза и бормотали под нос нечто маловразумительное.

– К-хм... – кашлянул в кулак Малышев. – Сейчас бы баньку истопить...

– Ты, Миша, прямо мысли читаешь, – немедленно поддержал таёжника Валерка. – Где наш Арнольд, интересно, и Ганс Иванович заодно? Спросить надо, есть ли тут баня, а то ведь помер в цвете лет.

– Баня? – переспросил Майер. – Это что?

– Ну ты даешь, Руди, – сказал Шнайдер. – Столько в России провоевал и не знаешь. Баня – это исконно русская забава. Очень рискованная. Нам, немцам, не выдержать. Судя по тому, что я о ней слышал...

– Ты, Курт, – перебил его хмурый Вешняк, – одну исконно русскую забаву уже выдержал. Значит, выдержишь и баню. Сам потом спасибо скажешь.

– Одну – это какую? – заинтересовался Карл Хейниц.

– Пить три дня без просыху. И безобразничать всяко.

– Ну-у... – разочарованно протянул Шнайдер. – Нашли, тоже мне, исконно русскую. Она такая же русская, как и немецкая.

Начавшийся, было, интересный разговор прервало появление Альберта и Ганса Ивановича. У них немедленно поинтересовались наличием в вверенном заведении бани с настоящей русской парной и, получив ответ, что таковая, конечно же, имеется и полностью готова, выразили желание немедленно воспользоваться.

Глава шестая

Дэнни Джордан (Дабл Д, как звали его когда-то друзья и единомышленники, царство им небесное и земное) вздохнул и ещё раз оглядел хижину, соображая, не забыл ли чего. Эх, неохота идти. Но – деваться некуда. Жратва совсем кончилась, сигарет осталась одна пачка, а он, как ни мало ему было нужно, совсем без еды, а, тем более, без курева обходиться не научился. Дэнни грустно усмехнулся в седые усы и бороду.

Да, благословенное было время, когда они, хиппи конца 60-х – годов, редко задумывались о таких пустяках, как еда, одежда или кров. Когда тебе 18 лет, а рядом те, кто думает и поступает так же, как и ты – это легко. Всегда все находилось. И еда, и выпивка, и подруга, и косячок...

Сейчас, когда ему почти шестьдесят, а рядом не осталось никого из тех, с кем он делил хлеб и любовь, еду и все остальное, он тоже живёт не сказать, чтобы очень трудно. Деньги пока ещё есть, и ему всего-то и надо, что раз в неделю сходить в город. Это, если ничего съедобного не попадётся в лесу. Но поголовье диких кроликов в окрестностях за последнее время довольно резко уменьшилось, и вообще охота с помощью силков (Дэнни не признавал использование огнестрельного оружия для добывания пищи) стала занимать слишком много времени и сил.

Внизу, в городе, к нему относятся как к безобидному чудаку. И даже считают чем-то вроде местной достопримечательности – ещё бы, чуть ли не последний из настоящих первых хиппи! – даже туристам показывают гору, на которой он живет. Хорошо ещё, что у любителей поглазеть на тех, кто не похож на тебя самого, в большинстве случаев хватает ума не лезть на чужую территорию. Тем более, когда территория эта – частная собственность...

Дэнни снова вздохнул, вышел на крыльцо, прикрыл за собой дверь и накинул крючок, – ставить замок от людей он не считал нужным, а для того, чтобы в дом не забрался какой-нибудь любопытный енот, вполне хватало и крючка.

Да, восемь акров каменистой, не слишком плодородной земли, это не Бог весть что. Но эта земля принадлежит ему, Дэниэлю Джордану. Он, Джордан, знает (а на всех остальных – плевать), что ему самому очень мало, что нужно в этой жизни. Пара джинсов, рубашка, кусок хлеба, стены и крыша, которые он, пусть не очень красиво, но возвёл сам. Еще перо и бумага. Не был бы мир устроен так дурацки, он легко обошёлся бы и без этой земли. Но в благословенной Америке с каждым годом все труднее найти место, где бы тебе никто не мешал, и где ты сам никому не доставлял бы никакого беспокойства. Вот и пришлось старому хиппи пойти на компромисс с собственными убеждениями и приобрести кусок земли (благо, вовремя свалилось на голову небольшое наследство). Земли, на которой он чувствует себя вполне свободно и может вдоволь размышлять о несовершенстве бытия. И заносить свои мысли на бумагу.

И никакой электроники и даже просто электричества!

Зимы здесь, на юге Колорадо, не длинные, а в окрестных лесах вполне хватает сухостоя и прочего хвороста, чтобы можно было приготовить на живом огне немудрёную пищу и согреться в редкие холодные дни и ночи. Что же до освещения, то он вполне обходится свечами...

Так, неспешно размышляя о собственном житье-бытье, Дэнни пересёк рошу, преодолел по камням широкий ручей (если идти вдоль течения, то миль через двадцать выйдешь к Рио-Гранде), оставил за спиной три сотни ярдов пологого, поросшего короткой, выжженной солнцем травой, склона и вышел к повороту дороги. Теперь, даже если никто не подвезёт, через пять миль или два часа пешего хода он окажется в городе. Зайдет в банк, снимет наличные со счёта (электронные деньги на кредитных и прочих карточках Дэнни не призна-

вал), закупит продукты, сигареты, может, выпьет бутылочку-другую пива в знакомом баре – и назад. Если ничего не помешает, то уже к вечеру он снова будет в своей хижине и спокойно займётся книгой и другими прерванными делами.

Утро выдалось ясным, солнечным, и городок Вэлхаус показался Дэнни весь и сразу, как только старый хиппи срезал поворот и вышел на противоположный склон горы. Дэнни обернулся и прислушался, не едет ли сзади какая-нибудь машина (тащиться пять миль по шоссе, пусть даже дорога и ведет под гору, совершенно не хотелось). Сзади было тихо, и Джордан снова обратил свои светло-карие, с рыжинкой, глаза к цели утреннего похода. Что-то в облике пятнадцатитысячного города, чьи невысокие дома и прямолинейные улицы просматривались отсюда, со склона горы, довольно отчётливо, его насторожило.

Дэнни подошел к обрыву, присел на корточки, закурил и, поглядывая на город, задумался.

За последние сорок с лишним лет он ни разу никуда не торопился и не собирался изменять этой своей привычке и впредь.

Уж больно тихо, подумал он. Тихо и пустынно. С чего бы это? Сегодня, вроде, не воскресенье, а если б даже было и воскресенье, то все равно пять миль – не такое большое расстояние, чтобы не расслышать шум жизни полутора десятков тысяч людей, собранных в одном месте. Шум этот, конечно, совсем слабый, на самой грани восприятия, но он есть. Всегда. Всегда есть, а сегодня нет. Может, я внезапно стал хуже слышать? С чего бы? Возраст, Дэнни, знаешь ли. Бывает, братишка. Вчера еще мог расслышать шорох мыши в сотне ярдов, а сегодня... Ладно. Хорошо. А где тогда машины? Пять минут сижу, а ни одной ещё не заметил. Ни в ту, ни в другую сторону. Не заметил и не услышал. А время-то не сказать, чтоб очень раннее. Судя по солнцу, часов десять утра, не меньше. Было когда-нибудь такое, чтобы я выходил в десять утра на это шоссе и за пять (нет, пожалуй, уже семь)... за семь минут не встретил бы ни одного автомобиля? Нет, не было такого. Но то, что такого раньше никогда не было, ещё не значит, что это в принципе невозможно. Мало ли. Карта так легла. Вот посижу еще чуток, покурю, и кто-нибудь обязательно проедет.

Он просидел на обрыве около двадцати минут по собственному ощущению времени (часов Дэнни не носил принципиально), и ничего не изменилось. Все то же солнце, те же редкие клочья облаков в синем небе, то же дрожание нагретого воздуха над шоссе, тишина, и ни одной машины в обе стороны.

– Однако, – пробормотал вслух Дэнни, медленно встал на ноги и козырьком поднёс ладонь к глазам (солнце уже немного мешало).

Ни черта не видать. Вэлхаус, как Вэлхаус. Точно такой же, на вид, что и неделю, и месяц назад. Далековато, конечно, простым глазом деталей не различить... Эх, бинокль бы сейчас! Нет, братишка, обойдётся. Сначала бинокль, потом электрическую лампочку... и понеслось. Не остановишься потом. Черт, надо идти. Других вариантов нет.

Дэнни вздохнул, тщательно затоптал давно погасший окурок, и пошёл вниз по дороге. Два часа и пять миль – не такая уж большая плата за то, чтобы не остаться голодным, а заодно и узнать, в чём дело.

Первую страшную аварию он обнаружил буквально через двести ярдов. Шоссе здесь опять делало поворот, и Джордан сразу увидел проломленное ограждение. Он подошел к краю, осторожно глянул вниз и отшатнулся: там, под обрывом (восемьсот футов почти отвесной стены, никак не меньше) беспорядочной перекорёженной и почерневшей от огня грудой валялось, как показалось ему, не меньше десятка машин...

Уняв сердцебиение и слабость в коленях, Дэнни оперся (предварительно проверив на устойчивость и прочность) рукой на край проломленного ограждения и снова заглянул вниз.

Да, так и есть. Отсюда в точности не разберешь, но десяток, пожалуй, действительно наберётся. Это, что же получается? Получается, что они все ехали сверху вниз, направляясь

в Вэлхаус (иной дороги тут все равно нет) и, один за другим, потеряли управление и рухнули с обрыва. Первым был, наверное, вон тот, ярко-красный магистральный тягач МАСК, который, как ни странно еще можно узнать после всего, что с ним случилось. Он и проломил ограждение, потому что никакой другой машине это бы не удалось. Тут был нужен танк. Или, на крайний случай, магистральный тягач. Вот он и подвернулся. Проломил, значит, ограду и... того. А потом уже, в готовую дырку, за ним и остальные последовали. Их что, загипнотизировали всех? Куда один, туда и остальные? Что за чертовщина... И когда это, интересно, все случилось? Видать, совсем недавно, потому что иначе дырку давно уже бы заделали... Или... или некому заделывать? Брось, Дэнни, братишка, не может такого быть, чтобы ты проспал конец света, хоть это и было всегда твоей мечтой, – проснуться однажды красивым летним утром и увидеть, что старый мир умер, а на смену ему родился новый. Ладно, идем дальше...

Вторая авария, а, точнее, место, где произошла уже не автомобильная, но авиакатастрофа, попалась Джордану через час, когда он уже практически спустился в долину.

За очередным поворотом шоссе преграждало то, что осталось от одномоторной «Сессны». Судя по всему, самолёт врезался в склон горы, после чего взорвалось топливо в баках, и, объятые пламенем обломки, рухнули вниз, на дорогу. Рухнули и остались лежать, загораживая проезд.

Искать то, что осталось от пилотов и предполагаемых пассажиров, Дэнни не стал. Он просто обогнул косо торчащий над шоссе обломок хвостового оперения и, хрустя башмаками по осколкам стекла и пластмассы, ускорил шаг.

К сердцу уже подступил холодный и липкий страх. Но при всем своём особом отношении к жизни и окружающим людям, выработанным ещё в конце 60-х и заботливо взлелеянным в последующие годы, трусом Дэниэль Джордан никогда не был. Мало того. Все, что он только что увидел, вывело его из привычного созерцательно-философского состояния, и он ощутил – пожалуй, впервые за последние чуть ли не сорок лет – желание действовать. Физически. То есть идти, бежать, спасать, искать и даже, возможно, (не верится, но так оно и есть!) стрелять. Но только не сидеть на месте, посылая весь остальной мир к черту, к богу и в иные труднодоступные места (а что ещё прикажете делать, если научить его любви так и не вышло?). Время затворничества – он ощущал это явственно и неотвратимо – кончилось. Да, это было страшно. Но это было одновременно и хорошо. К своим пятидесяти девяти годам Дэнни, не смотря на сигареты и выпивку, удалось сохранить относительно хорошее здоровье (не более пятнадцати-двадцати фунтов лишнего веса, отменное зрение, восемнадцать собственных зубов, изрядно поседевшие, но почти не поредевшие волосы), а теперь он вообще чувствовал себя чуть ли не тридцатилетним и уже почти бежал по шоссе, с каждым шагом сокращая расстояние между собой и Вэлхаусом.

Город встретил Джордана тишиной.

Возможно, тут следовало бы добавить прилагательное «зловещей», но все дело в том, что никакой зловещности Дэнни не ощущал. Жизнь вдали от людей и многолетняя привычка к полному одиночеству изрядно отточили его интуицию. И теперь старый хиппи явственно ощущал, что здесь, в пятнадцатитысячном Вэлхаусе, произошло нечто страшное для жителей города, но практически не угрожающее лично ему, Дэнни Джордану. Он и сам не понимал, откуда у него такое чувство. Да, ему было тревожно. И даже очень тревожно. И даже, пожалуй, страшно. Но непосредственной *опасности* для собственной жизни он не ощущал. А потому, помедлив несколько минут, под рекламным щитом с жизнерадостной надписью: «Добро пожаловать в Вэлхаус – самый спокойный город Колорадо!» и выкурив сигарету, Дэнни, внимательно оглядываясь по сторонам, вступил в черту города.

Труп лежал на проезжей части.

Это был мужчина, одетый в майку и длинные – ниже колен – шорты. Одна нога его была обута в домашний тапочек, вторая была босой. Мужчина лежал точно посередине дороги, лицом вверх, раскинув в стороны руки, в позе беспечного пляжника, вкушающего свою порцию солнечных ванн. Когда Джордан подошёл ближе, то понял, что хорошо знает этого человека. Питер Уоллес, банковский служащий лет, наверное, тридцати двух, который частенько обслуживал Джордана, когда тот появлялся в городе и заходил в банк, снять со счета некоторую сумму наличными.

Дэнни присел на корточки рядом с мертвецом (он сразу понял, что Питер Уоллес мёртв и лишь для проформы сделал попытку нащупать его пульс, каковая попытка, конечно же, не увенчалась успехом) и огляделся по сторонам. Тихо и пусто. Лишь на другой стороне перекрёстка, в сотне ярдов от того места, где лежал мёртвый банковский служащий, не торопясь, пробежала собака. Остановилась на секунду, поглядела на Дэнни и потрусила дальше.

Наверное, он выскочил из дома, размышлял Джордан. Выскочил второпях, в чем был. Вон, калитка открыта, и второй тапочек за ней валяется. Что-то его напугало... Или что-то случилось.... Тьфу, Дэнни, ну и логика у тебя, братишка. «Что-то случилось»! Да уж случилось. Просто так люди, живущие в Вэлхаусе, в одних тапочках на улицу не выскакивают и, уж тем более, посреди улицы невесть от чего не умирают. А Питер умер именно невесть от чего. Во всяком случае никаких ран и прочих повреждений на его теле не видно. Хм-м... Сходить, что ли, в дом, посмотреть? Ох, не хочется что-то... Пройдусь-ка я еще, пожалуй, по улицам, а там поглядим.

Через два с половиной часа, когда солнце давно перевалило за полдень, изрядно утомлённый и по-прежнему ни черта не понимающий Дэнни, плюхнулся на скамейку в сквере, открыл зажигалкой прихваченную в обезлюдевшем баре бутылку с пивом и жадно приник к горлышку. Пиво в два глотка перекечало из бутылки в желудок Джордана, после чего Дэнни вздохнул, утер бороду, откинулся поудобнее на спинку, открыл вторую бутылку и закурил. Ему нужно было подумать.

Город оказался пуст. Во всяком случае та его часть, которую он успел обследовать за эти два с половиной часа, давала возможность почти со стопроцентной гарантией предположить, что люди покинули Вэлхаус. Покинули в страхе и жуткой спешке, часто бросив дома открытыми и прихватив с собой, в лучшем случае, лишь самое необходимое. А в худшем, не взяв и вовсе ничего.

Да, люди ушли из города. Именно ушли, а не уехали. Ушли пешком, – машины были оставлены в гаражах и на обочинах. Живые ушли даже не похоронив мёртвых, – в брошенных домах Джордан обнаружил ещё с десятков трупов. Двое мужчин и одна женщина были насмерть задавлены, судя по всему, собственными автомобилями (правда, совершенно не понятно, кто при этом сидел за рулём), остальные, как показалось Дэнни, умерли от удара током. Кстати, электричество в городе было, – во многих домах и в баре, где Дэнни разжился пивом, видимо, ещё со вчерашнего вечера продолжал гореть свет. Электричество было, но зато напрочь отсутствовала телефонная связь. Не работали ни обычные, ни сотовые телефоны, не показывали телевизоры, а из включенного радиоприёмника на всех волнах слышался лишь шум и треск помех.

Вторая бутылка пива помогла успокоить нервы, но ни на йоту не приблизила Джордана к разгадке. Ему было уже совершенно ясно, что люди покинули Вэлхаус, – так покидает в спешке экипаж тонущее судно, но отчего это произошло... И почему молчат телефоны, радио и ТВ? Что, вообще, случилось с этой долбанной страной за те несколько дней, что он не вылезал из своей хижины в горах?

Война?

Нашествие инопланетян?

Эпидемия неизвестной болезни?

Он сидел на скамейке, курил вторую сигарету и раздумывал над тем, не пора ли для прочистки мозгов выпить чего-нибудь посущественней пива и, может быть, поесть, когда на противоположной стороне сквера заметил в кустах какое-то движение. Не меняя позы, Дэнни скосил глаза и снова заметил шевеление. Колыхнулись ветки, мелькнуло что-то синее, и там опять испуганно замерли.

– Эй, – негромко позвал Джордан. – Выходи, не бойся, у меня нет оружия и я не кусаюсь.

Снова шевельнулись ветви, и на дорожку сквера из кустов вышла маленькая девочка.

Дабл Д плохо разбирался в детях. Своих он так и не завел и с чужими тоже редко имел дело. Ему показалось, что девочке лет пять или шесть. Была она одета в синее платье, вид имела настороженный, а в руках держала плюшевого зайца, крепко прижимая его к груди.

– Не бойся, – повторил Джордан, стараясь, чтобы голос звучал помягче. – Меня зовут Дэнни. Может быть, ты слышала обо мне. Я живу за городом, в горах, и бываю иногда в вашем городе. Тебя как зовут?

– Салли, – тихо сказала девочка, но Дэнни расслышал.

– Салли... Очень красивое имя. Похоже, Салли, что мы с тобой остались здесь одни. И, если это так, нам нужно держаться вместе. Я помогу тебе, а ты мне. Идёт?

– Мама не разрешает мне разговаривать с незнакомыми людьми, – сообщила девочка. На этот раз её голос звучал громче и увереннее.

– И правильно делает. Но мы ведь уже познакомились, верно? Ты знаешь, как зовут меня, а я – тебя. Когда люди знают имена друг друга, они считаются знакомыми. Иди сюда. Садись рядом и расскажи мне, что тут у вас случилось. Я сегодня пришел в город и ничего не могу понять. Куда все делись, ушли?

Салли подошла и робко присела на краешек скамьи.

– Я не знаю, мистер Дэнни, – совсем по-взрослому вздохнула она. – Мы с мамой живем. Моя мама вчера уехала и сказала, что вечером вернётся. Но она не вернулась. Я легла спать, а ночью проснулась от шума. На улице громко кричали и еще стреляли. Мне было очень страшно. Я хотела позвонить соседям, мистеру и миссис Фэрроу, но телефон не работал. Потом я увидела в окошко, как мистер и миссис Фэрроу бегут куда-то по улице, потом хотела позвонить в службу спасения, но телефон так и не починился. Я боялась до самого утра, потом немножко поспала, а потом оделась и вышла на улицу. Там никого не было, и я очень испугалась. Я ходила и ходила, плакала, но никого не было. А потом я увидела вас.

– Ясно, помолчав сказал Джордан. – В общем, ты не знаешь, что здесь случилось.

Салли молча помотала головой.

– Ты есть хочешь? – спросил Дэнни.

Салли кивнула.

– Хорошо. Сейчас мы что-нибудь поедим, а потом соберемся и будем отсюда выбираться. Надо найти людей.

Через час, набив рюкзак провизией и всем необходимым и реквизирав в магазине спорттоваров дорожный велосипед с дополнительным детским сиденьем на раме (интуиция ему подсказывала, что автомобилем воспользоваться нельзя), Дэнни усадил Салли впереди себя и выехал из города, держа путь на север. Он надеялся добраться до самого Денвера, если, конечно, раньше по дороге им не попадётся кто-нибудь, кто сможет рассказать хоть что-то вразумительное по поводу всей этой чертовщины.

Глава седьмая

– Вот скажите, Распорядитель, откуда у вас, гуманоидов, такая неизбывная тяга к суициду? Мало того, что отдельные особи то и дело добровольно уходят из жизни по совершенно смехотворным и не стоящим внимания нормального разумного существа причинам, так ещё и целые расы норовят покончить с собственным существованием. А заодно утянуть за собой все живое, что их окружает. Отчего это, а?

– Во-первых, Координатор, я давно не гуманоид, и вам это отлично известно. А во-вторых...

– Бросьте, бросьте... Не гуманоид. Как же! Почему ж вы тогда вечно появляетесь в облике гуманоида?

– Привычка. Вы тоже полную бестелесность не особо жалуете.

– Да, верно. В телесном облике масса неудобств, но некоторые э-э... чувства и ощущения доступны лишь при наличии тела. И это часто искупает все неудобства.

– Вот. Сами все знаете, а спрашиваете.

– Просто хочется поболтать. Какое-то странное настроение. Хочется поболтать и совершенно не хочется работать. Я уже и забыл, что так бывает. У вас так бывает, Распорядитель?

– Нет, Координатор, не бывает. Я всегда готов работать.

– Это я знаю. Но вот всегда ли вам *хочется* работать?

– Хм... Я бы сказал, что всегда найдётся работа, которую хочется сделать. Но всё-таки я не совсем понял вашего вопроса насчёт гуманоидов. Почему вы считаете, что они склонны к массовому самоубийству?

– Ну как же! Давайте возьмём историю развития любой гуманоидной цивилизации. И что мы в ней увидим?

– Вот именно, что?

– Бесконечные войны, безжалостное разграбление природных ресурсов, неудержимое стремление к захвату новых территорий. С последующим уничтожением на этих территориях всего, что, якобы, мешает. Некоторым, часто лишь с нашей помощью, удаётся, конечно, перерасти эту жуткую пору варварства и стать на вполне приемлемый и разумный путь развития. Но многих от них же самих спасти не получается. Вспомните тех же вейнов. Если бы не спасательная планета ирюммов и отряд этих... людей, кажется?

– Да, людей.

– Вот именно. Если бы не это, не было бы сейчас вейнов.

– На то мы с вами и поставлены, чтобы предотвращать подобное. И вообще, через опасные периоды проходят все расы. И вам это прекрасно известно. Просто у вас застарелое предубеждение. Не любите гуманоидов, так и скажите. Не надо под это подводить псевдо-разумную базу. А то прямо как-то неудобно получается, – вы же Координатор! Должны быть бесстрастны и справедливы.

– Н-да, вы правы, конечно. Но иногда бывает трудно сохранить бесстрастную оценку. Особенно, когда имеешь дело с гуманоидами... Ладно, ладно. Шучу. Кстати, о гуманоидах. Как там поживает ваш отряд?

– Вы хотели сказать, *наш* отряд?

– Пусть так. Но он все равно больше ваш, чем мой, не отпирайтесь.

– А что это вы о нём вспомнили?

– Я обязан помнить обо всем. О людях же и, в частности, об отряде, вспомнил потому, что у них на родине... на этой... как её...

– Земле.

- На Земле. Спасибо. Там, кажется, опять что-то не в порядке?
- Не просто не в порядке. Очень тревожная ситуация. Я рад, что вы о ней вспомнили. Потому что Земля эта – основная. Первая в реальности. Кстати, именно оттуда, с основной Земли, и наш отряд.
- Так что там опять случилось??
- В том-то и дело, Координатор, что я точно не знаю.
- Как это?
- Очень просто. Точнее, совсем не просто. Я не могу туда попасть. Несколько раз пытался – бесполезно. По другим, известным нам каналам, я получаю оттуда очень тревожные сигналы. Но они маловразумительны и противоречивы. Только моё личное присутствие помогло бы разобраться, но лично я туда попасть не в силах.
- Хм-м... Насколько я помню, подобное уже случалось и раньше...
- Совершенно верно. Особое редкое состояние пространственно-временного континуума. Всего два раза за всё время службы, но было. Я склонен предполагать, что это – последствия Воронки. Пройдёт. Должно пройти. Но, как бы то ни было, повторяю, попасть сейчас же на Землю я не могу. Точнее, могу, но только с помощью техники Низших. Что, как вы сами понимаете, долго и неудобно. А ситуация, повторяю, меня очень тревожит. Мы с вами уже говорили о том, что эта непутёвая планета – Земля, по всей видимости, является своеобразным репером, точкой отсчёта, неким центром силы нашей Вселенной. Что там аукается, потом откликается, так или иначе, повсюду. Так что, сами понимаете...
- Центр силы... Да. Вполне возможно. Я тоже думал об этом. Такое место есть всегда и везде. Я вам больше скажу, Распорядитель, есть у меня подозрение, что точку эту организовали непосредственно Высшие. Для одних им известных целей.
- А нам, конечно, сказать об этом не соизволили.
- Повторяю, это лишь мои подозрения и ничего больше. Опять же из них ничего не следует. Как мы выполняли свои должностные обязанности, так нам и следует их выполнять в дальнейшем. А для этого нужно придумать, как попасть на эту самую Землю. И как можно быстрее. Насколько я понимаю, ждать, пока этот ваш континуум сам рассосётся...
- Да. Это может продлиться неопределённо долго.
- Вот. И что вы предлагаете?
- Есть у меня по этому поводу одна мысль, которой я хотел с вами поделиться....

* * *

Водопад завораживал.

Отвесный, белый и сверкающий на солнце поток, с шумом налетающего и все никак не могущего налететь скорого поезда, валился с высоты не менее трёх сотен метров прямо в округлое большое и глубокое озеро, из которого с восточной стороны вытекала озёрная неширокая речка.

С юга и запада к озеру вплотную подступали предгорья большого хребта, делящего материк чуть ли не пополам. С севера же и северо-востока озеро окружали пологие холмы, на которых в великолепном беспорядке раскинулся город.

Во всяком случае, на город это было очень похоже.

– Красивое место, – изрёк Велга и со вздохом откинулся на спину.

Ленивая истома, охватившая его с самого утра, не проходила. Сказывались, вероятно, последствия бурных первых трёх дней пребывания на этой планете-санатории, а затем ещё четыре дня практически непрерывного и комфортного путешествия с впечатляющей сменой ландшафтов и пейзажей.

Путешествовали (Хельмут упорно продолжал называть это экскурсией) на двух вездеходах. Мажордом Арнольд не соврал (впрочем, он никогда не врал), машины, им предоставленные, действительно оказались превыше всяческих похвал. Никогда прежде за все время невероятных странствий по мирам и временам, ничего и близко подобного им не попадалось.

Впрочем, это были и не совсем машины. И даже совсем *не* машины. Так, во всяком случае, утверждал Арнольд. По его словам, это были полуживые и даже отчасти разумные механизмы (или полумеханические живые существа, как кому удобнее), в свое время сконструированные, а затем выращенные – построенные ныне исчезнувшей цивилизацией специально для подобных длительных путешествий по планетам земного типа. После того, как Распорядителем было принято решение переправить отряд на Лону, вездеходы, в числе прочего, доставили сюда же и привели в готовность.

– Топлива в вашем понимании им не нужно, – рассказывал Арнольд. – Они, словно ваши кони или коровы, питаются травой, а также очень эффективно используют энергию солнца. При полной нагрузке, – а это не много не мало – полторы тонны – и отсутствии питания и солнца они способны непрерывно работать в течение сорока часов. При этом, как вы сами убедитесь, могут быстро передвигаться не только по земле, но и по воде и под водой, а также, при необходимости, и летать. Последнее для них не слишком удобно, потому что приходится отращивать крылья и тратить много энергии, но, повторяю, возможно. И это ещё не всё. Данные машины-существа или существа-машины вполне могут применяться и в качестве боевых машин, что вам, как солдатам, несомненно, будет интересно. Здесь, на Лоне, разумеется, воевать не с кем. Но чисто в познавательных целях я могу сказать, что у этих «крошек» великолепная радиационная и силовая защита, вырабатываемая мощными генераторами, которой вполне хватит, чтобы, например, уцелеть чуть ли не в эпицентре ядерного взрыва. Кроме того, в их комплект входят две пушки. Сейчас они демонтированы, но могут быть установлены в любой момент. Одна парализующего действия, способная привести в состояние длительного ступора и оцепенения любую белковую жизнь, а вторая – плазменная. Это довольно страшное по силе оружие – правильно отрегулированным выстрелом из такой пушки можно сжечь... даже не знаю с чем сравнить, чтобы вам было понятнее... ну, например, ваш линкор со всем экипажем на расстоянии до четырёх-пяти километров...

Велга перевернулся со спины на живот и посмотрел на пасущиеся неподалеку вездеходы.

Да, хороши, машины-животины. Удобны, вместительны, неприхотливы, просты в управлении. Конечно, по сильно пересечённой местности, например, в горах или, скажем, в лесу на них особенно не разгонишься, но там, где нельзя проехать или проплыть, всегда можно пролететь. Вездеходы, одно слово. И соляркой с бензином не воняют. И ремонт им не нужен – сами себя чинят в случае необходимости. Да и вообще, на Лоне хорошо... если не очень долго. Пока еще, вроде, не надоело, но есть ощущение, что впереди нас всех ожидает бо-ольшущая проблема по имени скука...

Послышались шаги, и рядом с Велгой на траву шумно рухнул мокрый после купания Дитц.

– У тебя сигареты далеко? – спросил он. – А то я свои в машине оставил. Лень идти. Закурили.

– А ты чего в город не пошёл? – поинтересовался Велга. – Сказано – экскурсия, значит, экскурсия. Извольте соответствовать.

– Издеваешься, да?

– И не думал. Просто интересно.

– Ага. Вижу я, как тебе интересно. Валяешься тут на травке... Слушай, а выпить у тебя нет случайно под боком?

– Пиво, – признался Велга. – Ещё холодное.

- Отлично. Давай сюда.
Выпили пива.
– Так ты мне и не ответил, – сказал Велга.
– А ты разве о чём-то спрашивал?
– Да, я спрашивал, отчего ты не пошёл вместе с остальными в город?
– А что там делать? Что я, развалин не видел?
– Ну, как же. Брошенный город неизвестной цивилизации. Загадка этого мира. Тайна веков, я бы сказал!
– Подумаешь, тайна, мать её... – фыркнул Хельмут. – Все там сгнило давно в загадке этой. Да и вообще не известно, может, это и не город вовсе. Говорил же Арнольд. На всю планету – один. Разве так бывает?
– В нашей жизни, как ты, наверное, давно убедился, всякое бывает, – вздохнул Велга. – Но ты прав, – нечего там делать. Ни там, ни здесь, ни в Доме Отдыхновения.
– Так-так-так! – оживился Дитц и открыл вторую банку пива. – Что я слышу! Мы заскучили?
– Пока нет, но, думаю, скоро. А ты?
– Я... – Дитц задумался, прихлебывая пиво. – Чёрт его знает. Пока, вроде, не очень. Это ведь то, о чём мы могли только мечтать: полный отдых, вино, пиво, девочки, свобода и никто в тебя не стреляет. Ни сейчас, ни в ближайшей перспективе. Мне, знаешь ли, надоело, когда в меня стреляют. И самому стрелять тоже надоело. Наверное.
– Мне нравится это «наверное», – засмеялся Велга.
– Это я перестраховываюсь, – объяснил Хельмут. – На всякий случай. Мало ли что.
– Да, – вздохнул Александр, – перестраховываться мы научились. Только это мало помогает.
– Мало помогает от чего?
– От жизни. Вот скажи мне, что мы будем делать завтра?
– Как это – что? Что захотим, то и будем делать. Я же говорю – свобода.
– Карл Маркс как-то сказал, что свобода – это осознанная необходимость...
– Иди ты со своим Марксом...
– Нет, а всё-таки. Хорошо, пусть, что захотим, то и сделаем. Но чего мы захотим? Вот в чём вопрос.
– Нет, с вами, русскими, иногда совершенно невозможно иметь дело. Всё вам не так. Мы воевали. Победили. Теперь наслаждаемся заслуженным отдыхом. Разве это плохо?
– Я не говорю, что плохо. Я говорю, что не вижу перспективы.
– Перспе... Тьфу-ты, слово-то какое нашёл... Перспективы он не видит! Ты еще неделю назад был кто? Труп. И был ты где? Нигде. А кто и где ты сейчас? То-то. Цени, пока дают.
– Да ценю я, ценю! Мне просто интересно, что мы будем делать, например, через месяц. Водку пить? Девоч этих, которые на самом деле и не совсем девки, драть? Что?!
– Да не ори ты.... Все я понимаю. Но, во-первых, водку пить не обязательно, поскольку всегда есть коньяк. А во-вторых, тебе что, Карина твоя разонравилась? Так поменяй. Делов-то...
– Да ну тебя к чёрту... – Велга в сердцах сплюнул, поискал и не нашёл пиво, встал и направился к вездеходам.
– Коньяк захвати! – крикнул ему в спину Дитц.

* * *

Распорядитель появился на восемнадцатый день, ближе к ночи.

С утра Аня Громова объявила, что у нее сегодня день рождения, и она ждёт праздника с подарками. Новость восприняли с энтузиазмом и немедленно приступили к устройству этого самого праздника. Так что, когда через два часа после заката солнца, дверь в обеденную залу распахнулась, и на пороге появился истинный хозяин Дома Отдохновения, веселье было в самом разгаре.

Новорожденная с Валеркой Стихарём отплясывала «цыганочку».

Майер, стараясь перекричать оркестр, безуспешно произносил тост в честь виновницы торжества.

Хейниц пил с девушкой Вешняка на брудершафт, а Сергей делал то же самое с девушкой Карла.

Малышев боролся на руках с мажордомом Арнольдом.

Руди Шнайдер провозгласил себя арбитром и предлагал делать ставки.

Дитц сосредоточенно намазывал на белый хлеб с маслом красную икру и размышлял, не положить ли ему сверху на все это великолепие еще и свежий лист салата.

Велга целовался с Кариной.

Первым Распорядителя заметил Руди Майер.

Да и то лишь, когда тот подошел к столу, налил себе в свободный бокал вина и чокнулся с пулемётчиком.

– Оп-па... – шепотом воскликнул Руди, после чего залпом выпил, закрыл глаза и потряс головой.

Это не помогло, – видение не исчезло. И тогда Майер дал знак оркестру замолчать и с давно отработанными интонациями рявкнул:

– С прибытием вас, господин Распорядитель!

И на всякий случай щёлкнул каблуками.

– Вольно, – усмехнулся Распорядитель, и его третий глаз весело полыхнул красным огнём. – Что отмечаем?

В первые минуты появление хозяина дома и в некотором роде вершителя судеб несколько обескуражило присутствующих, но, когда выяснилось, что Распорядитель искренне рад встрече и намерен участвовать в празднике на равных, люди расслабились, и день рождения продолжился до поздней ночи.

Лишь вечером следующего дня у разоженного по обыкновению на берегу костра, за лёгким вином и жареным мясом состоялся серьёзный разговор.

Начал Дитц.

– У меня такое впечатление, – сказал он, обращаясь к Распорядителю, который задумчиво созерцал тонущее в море солнце, – что вы чего-то не договариваете.

Распорядитель перевёл взгляд всех своих трёх – двух синих, словно море на горизонте и одного красного, будто уголёк в костре – глаз на Хельмута, и обер-лейтенанту показалось, что в них мелькнула и пропала тень тревоги.

– Так мы, вроде, пока ни о чём особо и не говорили, – сказал Распорядитель.

– Ага, – тут же влез Валерка Стихарь. – Значит, мужской разговор, все-таки к нам имеется?

– Мужской – это как? – спросил Распорядитель.

– Мужской разговор, – объяснила Аня, – это разговор, который чаще всего предвещает хлопоты и неприятности.

– И вообще, серьёзные проблемы, – добавил Майер. – Как же это, вы, мужчина, не знаете, что такое мужской разговор?

– Действительно, – засмеялся Распорядитель. – Я как-то и забыл. Видите ли, имея мой ... э-э... статус, уже совершенно не важно, мужчина ты или женщина.

– Чудеса... – удивился Валерка. – Разве это может быть не важным? По мне, так это вообще одна из самых важных вещей на свете.

– Пока вы человек – да. Но не забывайте, что я не человек. Хотя мой мужской облик говорит о том, что я еще не до конца забыл, что значит быть мужчиной. Во всяком случае, я на это надеюсь.

– Вас что-то гнетёт, Распорядитель, – сказала Аня. – Я вижу. Поделитесь, легче станет.

– Меня всегда что-то гнетёт, – усмехнулся Распорядитель. – Служба такая, говоря вашим языком. Поверьте, во Вселенной не проходит и доли секунды без какой-либо довольно серьёзной неприятности. Подавляющее большинство из них, разумеется, утрясаются как бы сами собой, во всяком случае, они не требуют вмешательства. Но есть и такие, когда вмешательство необходимо.

– И что же случилось на этот раз? – осведомился Велга.

– И где? – добавил Хельмут. – Только не говорите мне, что опять что-то не в порядке на Земле...

– Увы, – кивнул массивной головой Распорядитель. – Именно на ней. Вообще, чем больше я наблюдаю за вашей планетой и разумной жизнью, которая на ней развивается, тем чаще меня охватывает чувство.... Впрочем, это не важно. А важно то, что там сейчас возникли очень и очень серьёзные проблемы. Все бы ничего, но проблемы эти возникли как-то очень уж внезапно, сразу. Конечно, проблемы всегда возникают сразу. Не было, не было, а потом вдруг – раз! – и есть. Но. Всегда можно разглядеть какие-то симптомы надвигающейся беды. Разглядеть и вовремя подкорректировать. Здесь же.... В общем, то ли я прошляпил, то ли цивилизация ваша, да и сама планета настолько нетипичны, что не поддаются нашему с Координатором анализу. А хуже всего то, что проблемы касаются основной Земли. Не того параллельного мира, откуда Аня. И не того, в котором вы были последний раз. Это та Земля, с которой вас забрали свароги. Корневая. Главная. Только время другое.

– Опять будущее... – пробормотал Майер.

– Да, – подтвердил Распорядитель. – Будущее. И будущее это, увы, совсем неблагоприятно. То есть оно настолько неблагоприятно, что само дальнейшее существование вашего человеческого рода, по-видимому, находится нынче под большим вопросом.

– Хорошо, – сказал Дитц. – Но вы, как я понимаю, прибыли сюда не затем, чтобы рассказывать нам о несчастной судьбе человечества? Мы уже не те наивные солдаты-разведчики из лета сорок третьего. Мы многое повидали и во многом поучаствовали. И многое поняли. Например то, что, как вы и сами сказали, неприятности случаются во Вселенной постоянно. И большинство из них, как, опять же, вы совершенно справедливо заметили, замечательно разрешаются сами собой. Насколько серьёзно то, что происходит на Земле? И, если это действительно серьёзно, в чём вы нас пока ещё не убедили, то, что требуется от нас? Опять же, прошу заметить, что с момента спасения нами всего мира, не прошло и месяца.

– Ну, вообще-то, – усмехнулся Распорядитель, – мир даже и не заметил, что вы его спасли. И это очень хорошо. Потому что, если бы он заметил, то стал бы другим. Что же касается ...э-э... частоты вмешательства, то мне почему-то казалось, что вам это будет интересно. Все-таки речь идёт о вашей родине. Впрочем, разумеется, решать вам. Если задача покажется вам непосильной или слишком опасной, никто не заставит вас её выполнять. Сидите здесь, на Лоне, сколько влезет. Дом Отдохновения в полном вашем распоряжении. Отдыхайте. В конце концов, вы действительно спасли мир и заслужили отдых до конца жизни. И даже за ее гранью.

– До конца жизни? – переспросил Валерка. – Нет, начальник, это же будет форменная тюрьма, в натуре! Только большая. Да лично мне уже тут не слишком весело, а через месяц я просто взвою и...

– Погоди, Валера, – поднял руку Велга. – И вы, Распорядитель, на «слабо» нас не берите, не надо. Мы, действительно, уже давно не мальчики. Давайте так. Вы не ходите вокруг да около, а толком рассказываете, что случилось и что, по-вашему мнению, от нас требуется. А мы вас выслушаем, переспросим, что будет непонятно, и решим. Все согласны?

– А как тут можно соглашаться или не соглашаться? – удивился Вешняк. – С самого начала так и нужно было делать. А то как торговки на рынке... Прошу прощения, господин обер-лейтенант.

– Говорите, Распорядитель, – сказала Аня. – Мы слушаем.

– Это длинная история, – предупредил тот. – Может быть, пойдём в дом?

– Нам и здесь хорошо, – сказал Дитц. – А вам, насколько я понимаю и вовсе без разницы. Опять же, традиция.

– То есть? – не понял Распорядитель.

– Хельмут имеет в виду нашу встречу в Крыму, – уточнил Велга. – Тогда тоже было море и костёр.

– Да, – согласился Распорядитель. – Верно. Остаётся надеяться, что все опять закончится благополучно. Согласно традиции.

Глава восьмая

Здесь, высоко в горах, дышалось необычайно легко и вкусно, и Велга подумал, что на самом деле они не увидели и тысячной доли тех чудес и красот, которые планета Лона совершенно безвозмездно готова была им предоставить.

– Что имеем, не храним, – пробормотал он себе под нос, – потерявши, плачем.

– Что ты говоришь? – спросил Хельмут.

– Я говорю, что Лона – хорошее место. Жаль, маловато мы на ней побыли.

Дитц запрокинул голову и расхохотался.

– Смейся, смейся, – пихнул его в бок Велга. – Вспомним мы еще Лону, вот увидишь.

– Да я в этом нисколько не сомневаюсь. Просто мне забавно, что мы, вроде как поменялись ролями... Не ты ли ещё вчера рвался в бой?

– Я и сейчас не отказываюсь, – пожал плечами Александр. – Да и по Земле соскучился, признаться. Хотя и будущее, а все ж своё... Но одно другому не мешает.

– Может и так, – легко согласился Хельмут, огляделся по сторонам и громко спросил:

– Так это и есть место старта?

Отряд стоял на идеально круглой площадке, выложенной чуть шероховатыми шестиугольными каменными плитами, идеально подогнанными друг к другу. Расположена она была на вершине горы, которая, на первый взгляд, ничем особым не отличалась от соседок по хребту, делящему материк пополам.

– Да, – сказал Распорядитель. – Это самая удобная точка. Отсюда мне проще всего переправить вас куда угодно.

– Что ж, – сказал Велга, – мы готовы. Если, что и забыли, не важно. Всего не учтешь.

– Я на вас надеюсь, – сказал Распорядитель.

– Мы не против, – улыбнулась Аня. – Все получится. Не переживайте.

– Отвечаешь? – спросил Валерка. – А то я что-то мандраж словил. Видать, отвык.

– Ничего, – успокоили ростовчанина Аня. – Мандраж – это полезно. Где мандраж, там и кураж. Ловчее будешь.

– Куда уж ловчее...

– Все произойдёт очень быстро, – сказал Распорядитель. – Моргнете – и вы уже там. Это у меня не выходит, потому что структура другая, а вас забросить получится. Одно плохо, не знаю, в какой именно точке планеты вы окажетесь. Впрочем, это я вам уже говорил.

– Разберёмся, – кивнул Дитц и махнул рукой. – По машинам!

Через две минуты лишь несколько погасших окурков свидетельствовали о том, что здесь был кто-то живой, но вскоре, налетевший ветер, протащил их по каменным плитам и сбросил в пропасть.

* * *

Первыми начали умирать города.

Вообще-то, как и любой развивающийся и активно живущий организм, умертвить город довольно трудно, чему в истории, как древней, так и современной имеется масса примеров.

Что только не делали люди с городами!

Их брали приступом, жгли и отдавали на разграбление. Забрасывали ядрами и снарядами. Бомбили (и обычными бомбами, и ядерными). Подвергали ракетным ударам и химическим атакам. Устраивали в них искусственные землетрясения и наводнения. Отключали

свет, воду, канализацию и тепло. Морили голодом. И снова брали приступом, жгли и отдавали на разграбление.

И что же?

Чаще всего города выживали.

Иногда казалось, что от города уже не осталось совсем ничего. Он стерт с лица земли. Сожжен дотла. Развален по кирпичику. Его артерии и вены разорваны, сердце уничтожено, мозг убит. Так было с древним Римом и Константинополем, Москвой и Дрезденом, Сталинградом и Хиросимой. И многими, многими другими городами.

И что же?

Проходило совсем короткое время, и оказывалось, что города живы и собираются жить дальше. Зализывают раны, отстраиваются, наполняются людьми, растут.

Да. Так было всегда. Но только не на этот раз.

Когда отключают воду, можно купить ее в магазине, набрать в колонке, роднике или реке. В самом крайнем случае выкопать колодец. При отсутствии электрического света, используют свечи, керосиновые лампы, масляные светильники, факела. Нет отопления – можно одеться потеплее и соорудить печку-буржуйку.

Но, когда любое мало-мальски сложное устройство или механизм в городе начинают грозить не просто травмой (так было всегда), а смертью, остаётся одно – немедленно бежать. И тогда... Без человека города жить не могут. А если и могут, то это уже совсем другая жизнь...

* * *

Было видно, что по этой дороге очень давно никто не ездил. И никто ее не чинил. Асфальт совсем растрескался, и сквозь него пробивались наружу трава, кусты и даже, кое-где, молодые деревца. Вечерело. С низкого, сплошь затянутого мутной серой пеленой неба, сеялся мелкий редкий дождик. И все это вместе: тронутый первыми осенними красками лес, вечер, заброшенная дорога и скучный дождь никак не вселяли в сердце бодрость, а в душу веселье по поводу возвращения домой.

Оба вездехода только что, продравшись сквозь лес, выбрались на дорогу и теперь стояли бок о бок, ожидая дальнейших приказаний.

– Ничего себе, – сказал Валерка Стихарь, сидевший за управлением живой машины по имени «Маша», – давненько по дорожке этой никто не ездил, не ходил... И куда теперь? Налево или направо?

– Нам бы до жилья какого-нибудь добраться, – отозвался из «Ганса» (связь между машинами была замечательная, создавалось впечатление, что говорящий находится тут же, рядом) Дитц. – А то до сих пор не понятно, где мы.

– А чего тут понимать, господин обер-лейтенант – хмыкнул Вешняк. – В России мы.

– И откуда тебе это известно? – ворчливо осведомился Майер. – По лесу проехали и сразу – Россия? У нас, в Германии, тоже леса есть, – и, подумав, осторожно добавил. – В некоторых местах.

– Не говоря уж о какой-нибудь Канаде, – добавил Хейниц.

– Как хотите, – сказал Вешняк. – Только Россия это. Сердцем чую.

– Давай направо, – сказал Велга. – Если есть дорога, значит куда-нибудь она, а приведет.

– Направо, так направо, – легко согласился Стихарь и развернул машину.

В посёлок въехали уже в полной темноте.

У «Маши» и «Ганса» не было фар в привычном понимании этого слова, – в случае нужды машины освещали дорогу, выбрасывая перед собой сплошную широкую полосу света, интенсивность и дальность которой легко регулировалась. И теперь свет выхватывал

из мокрой темени по обе стороны от дороги грязноватые обшарпанные стены домов, из черных окон которых, бессмысленно пялилась на людей пустота. Машины ползли по дороге (теперь уже улице) совершенно бесшумно, внешние микрофоны были включены, но ни один звук, кроме нудного шелеста дождя, не долетал снаружи. Ни голос человеческий, ни лай собачий, ни крик птичий или звериный.

– Стоп, – сказал Велга, когда машины неспешно доползли до перекрёстка. – По-моему, это центр данного населённого пункта. И мы, всё-таки, в России. Во всяком случае буквы над тем, вон, зданием точно русские. Хотя я не понимаю, что означает это слово.

– «Ми-ни-мар-кет» – прочел вслух Валерка. – Н-да. Час от часу не легче. Буквы русские, слово иностранное. Эй, на «Гансе», кто-нибудь знает, что такое «минимаркет»?

– Это что-то вроде магазина, – отозвался Карл Хейниц. – А вон там, правее, банк. Видите?

– Ага, – сказал Велга. – Точно. Написано: «Сбербанк». Видимо, от слова «сберегательный». Так, уже легче. О, а это что – там, под деревьями, на площади? Ну-ка, Валера, посвети...

Стихарь чуть повернул вправо, изменил конфигурацию светового потока с горизонтальной на вертикальную, и люди увидели памятник.

На бетонном пьедестале, покрытом уже кое-где обвалившейся плиткой из камня лабрадорита, стоял в полный рост солдат. Гимнастёрка, сапоги, каска, плащ-палатка за спиной, в правой руке взметнувшийся вверх ПППШ... будто старого боевого товарища и друга отлили в бронзе и поставили здесь, посреди площади незнакомого русского городка на долгие времена в честь тех, кто своей жизнью и смертью добыл победу.

– Ух ты! – воскликнул Валерка. – А ведь это нам памятник, братва.

– Да уж можно не сомневаться, – сказал Майер. – Раз мы в России, то было бы странно встретить здесь памятник немецкому солдату. Наши памятники в Германии.

– Ты уверен? – спросил его Хейниц.

– В чём?

– В том, что нам стоят памятники? Вот так, на площадях?

– А почему бы и нет?

– Потому, что памятники обычно ставят победителям. А мы проиграли эту войну.

– Ну и что? Мы ведь честно и храбро сражались...

– Этого мало, – сказал Дитц. – Мало сражаться честно и храбро. Нужно сражаться ещё за что-то, что живёт в твоём сердце.

– Например, за Родину, – серьёзно подсказал Велга.

– Вот именно, – вздохнул Дитц. – Если честно, в последний год на фронте я уже начал понимать, что мы зря влезли в Россию. Воевал, конечно, деваться некуда, но... Не понятно было за что воюю. Иногда мне даже хочется сказать Богу спасибо за то, что он вытащил меня с той войны. Не знаю, что будет дальше, но по крайней мере сейчас я чувствую, что по-настоящему нужен. И не только Германии, а самому себе и всем людям. Всей Земле, если хотите. И даже, как вы помните, иногда всей вселенной. Согласитесь, что при таких условиях воевать можно.

– Браво, господин обер-лейтенант, – сказал Шнайдер. – Честно, спасибо. Боевой дух солдата надо время от времени поддерживать. Вы мой сейчас здорово поддержали. Старое вспоминать – только душу растревать. Будем смотреть вперёд и в очередной раз спасать человечество.

– А что, – сказал Валерка, – запросто. Было бы человечество.

– Вот именно, – прогудел Малышев. Пока что я не только человечества, но даже одного человека не видел. И куда все подевались – не понятно. Может, на разведку сходить? На вездеходах-то много не разглядишь. Да и бояться нас могут, откуда местным знать, кто мы

такие и с чем пожаловали? Заметили и прячутся по углам... Разрешите, товарищ лейтенант? Опять же и ночлег подыскать бы надо. Не в машинах же спать, когда мы дома.

– Давай, – кивнул Велга. – Только не один. Вешняк, пойдёшь с Малышевым.

– Есть.

– Разрешите и мне? – продал голос Шнайдер. – Что-то я засиделся. Ноги охота размять.

– Разрешаю, – сказал Дитц. – Даём вам час. Попробуйте найти людей. Ну, и нормальное место для ночлега. Связь по рации. Удачи.

Три ловкие фигуры выскользнули из теплого и сухого нутра машин под мелкий ночной дождь и растворились в ближайшем переулке.

Городок был брошен. Разведчикам хватило получаса, чтобы убедиться в этом. Разумеется, за тридцать минут они бы не успели даже пройти его из конца в конец, а не то что обыскать каждый дом, но за годы войны солдаты повидали немало сел и городов, оставленных своими жителями и у них выработалось безошибочное чувство на подобные места. Впрочем, для порядка Малышев, Вешняк и Шнайдер зашли в несколько домов и квартир, где, как и следовало ожидать, никого не обнаружили.

Подходящее место для ночлега они нашли через сорок две минуты. Это был большой и относительно новый трёхэтажный особняк, расположенный на окраине города. Окружал его высокий, в полтора человеческих роста, кирпичный забор и, если бы не приоткрытая стальная калитка, разведчикам для того, чтобы попасть внутрь, пришлось бы потрудиться. Калитку заметил Малышев, который отлично видел в темноте (фонариками из соображений скрытности они практически не пользовались), и, тихим свистом позвав за собой товарищей, проник во двор.

– Да, это, пожалуй, то, что нужно, – негромко заключил Курт Шнайдер, когда они наскоро (входная дверь также оказалась открытой) обследовали найденные хоромы. – Здесь и взвод разместится спокойно, а уж мы и подавно.

– И места для «Маши» и «Ганса» во дворе больше чем достаточно, – добавил Вешняк. – И печка есть – можно растопить.

– Это не печка, – сказал Шнайдер. – Это называется камин.

– Какая разница... – пожал плечами рязанец. – Главное, чтоб тепло было и пищу горячую можно приготовить.

– Опять же, забор высокий и крепкий, – подвёл итоги Михаил. – Все, вызываем наших. Давай, Курт, связывайся. Мы относительно их на северо-востоке. А я на крышу слажу – посигналю им фонариком, чтоб уж наверняка...

Места в особняке, действительно, хватило всем. Девятикомнатная махина обставлена была с вызывающей роскошью, и, хотя мебель изрядно запылилась, все в доме было в целости и сохранности. Впрочем, ночевать, в целях безопасности, решили в трёх комнатах на первом этаже, стащив сюда дополнительные подушки и одеяла. Машины оставили во дворе, переведя их в режим попеременного бодрствования-стражи (сенсорные системы слежения вездеходов вполне могли заменить глаза и уши самого бдительного часового и в случае чего поднять тревогу). Разожгли камин, приготовили ужин, поели, заварили чай. Аня отыскала где-то в недрах кухонных шкафов десяток свечей, и теперь, за большим общим столом, в их мерцающем живом и тёплом свете, лица солдат выглядели по домашнему мягкими и расслабленными.

– Хорошо, – отдуваясь, сообщил Вешняк, отодвигая от себя большую фарфоровую чашку с чаем. – Прямо как дома. Если бы еще и сахар был кусковой, то просто-таки ничего больше для счастья и не надо.

– А чем тебе чай в Доме Отдохновения не нравился? – спросил Майер. – Что-то я не помню, чтобы ты там также блаженствовал. А ведь чай тот же самый.

– Ничего вы, немцы, в чаях не понимаете, – подмигнул Вешняку Валерка Стихарь. – Одно дело пить его на Лоне – путь красивой, удобной и замечательной, но, всё же, чужой планете, и совершенно другое – здесь, на Земле, да ещё и в России. Горячий, свежесваренный, из настоящей фарфоровой чашки. Не чай – сказка. Не знаю, как вы, а я Серёгу понимаю. Тоже сейчас начал чувствовать, что домой вернулся.

– Вообще-то, есть такое чувство, есть, – добродушно подтвердил Дитц, откидываясь на спинку стула и вытягивая свои длинные ноги. – Хотя мы и не в Германии. Пока, надеюсь. Только мне лично для полного счастья не кускового сахара не хватает, а людей. Убей – не пойму, куда все подевались. Такое впечатление, что жители в один прекрасный момент все бросили и разом сбежали.

– При этом, практически, в чём были, – заметил Шнайдер. – Мы заходили в несколько домов и квартир. Вещи целы. То есть, те вещи, которые лично я бы прихватил с собой, будь у меня время собраться.

– Помните, Распорядитель говорил, что по его данным человечество на самой грани уничтожения? – сказал Хейниц. – Может, оно уже того... уничтожилось, а мы опоздали?

– Типун тебе на язык, – пробормотал Вешняк и потянулся налить себе ещё чаю.

– Нет, Карл, – качнула головой Аня. – Я бы почувствовала.

– А сейчас ты что чувствуешь? – спросил Велга.

– Люди есть. И не очень далеко. Просто мы пока их не нашли. Или они нас.

– И на том спасибо, – усмехнулся Александр.

– Не стоит переоценивать мои способности, – пожала плечами Аня. – Я не строю предположений, а говорю лишь то, что знаю точно.

– Вообще-то, и так понятно, что люди должны быть, – сказал Дитц. – Мы же разведчики и прекрасно знаем, что бесследно никто не исчезает. Давайте мыслить. Первая мысль такая: если бы люди погибли, мы обнаружили бы трупы. Однако, их нет. То есть я не исключаю, что где-то в городе лежит десяток-другой мертвецов, но, если бы погибли все, мы бы по ним буквально ходили. Значит что? Они ушли, как и было сказано. Теперь следующий вопрос. От чего уходят или бегут люди?

– От смертельной опасности, – подсказал Велга. – Обычно так.

– Какого рода бывают смертельные опасности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.